

ШКОЛЬНИК ВЕСТНИК

6+

8/2019

ШКОЛЬНЫЙ ВЕСТНИК

8/2019

Учредители
журнала:

АО «Молодая
гвардия»
и коллектив
редакции

Главный
редактор

Ю.И. Кочетков

Редакционная
коллегия:

С.В. Винокурова

В.И. Горбатов

В.З. Денискина

И.Н. Зарубина

О.В. Клековкина

Ю.И. Котов

В.В. Кулешов

Т.М. Морева

И.И. Семёнова

А.П. Торопцев

З.А. Шишкова

СОДЕРЖАНИЕ

Анастасия Павлюченкова. Добро во спасение **1**

Лилия Черенёва, Иван Черенёв. Откуда
берутся родители **10**

ПРОБА ПЕРА

Анастасия Анянова. Путешествие Земля-
нички на остров незрелых ананасов **20**

Илья Кравцов. Что я люблю **21**

НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ

Ева Златогорова. Стихи **24**

Бенедикт Лившиц. Стихи **27**

АЗ, БУКИ, ВЕДИ

Елена Ярышевская. Стихи **39**

Владимир Дуров. Мои звери **41**

Татьяна Корниенко. Последний шанс **59**

Евгения Зуева. Наши танки в Гондурасе **83**

ПРАКТИКУМ ЭСПЕРАНТИСТА **92**

ДОБРО ВО СПАСЕНИЕ

Не всем выпадает лёгкая судьба, и у каждого она нелегка по-своему. Всякий, даже самый лёгкий крест непросто нести по тернистому пути, особенно в кромешной тьме. Но кто-то, преисполнившись великой жалости к себе, лишь стенает и плачет, а кто-то, несмотря на саднящую боль в душе, проходит эту дистанцию достойно. Незрячая писательница и поэтесса, член Союза писателей России, /издатель и публицист, общественный деятель, составитель трёх сборников произведений авторов-инвалидов, кавалер медали имени А.С. Грибоедова, лауреат Литературной премии имени С.Я. Маршака и премии Мэра Москвы имени Николая Островского — Ева Златогорова — из второй категории.

Родилась она 3 февраля 1943 года в селе Булаево, в Северо-Казахстанской области во время эвакуации. Вернуться в родную Москву её семья смогла только через год. Детство и юность будущей писательницы прошли на окраине Москвы за Преображенской заставой. Отец был инженером, мама вела хозяйство и подрабатывала шитьём на дому. В девятилетнем возрасте девочке пришлось пережить первую серьёзную трагедию — гибель старшего брата. Спустя два года горечь утраты немного заглушило рождение младшенького Лёни, с которым Ева много занималась, втайне мечтая стать учителем. Однако судьба распорядилась по-своему. Получив диплом техника-электромеханика, поначалу девушка трудилась слесарем в троллейбусном парке, позже — инженером в Министерстве газовой промышленности, вышла замуж,

родила двух дочерей. Семейное счастье не омрачали ни бытовые, ни финансовые трудности, и только зрение подводило всё чаще.

О своём диагнозе — пигментной дегенерации сетчатки — Ева узнала, когда ей было семнадцать лет, но болезнь прогрессировала довольно медленно, и молодая мама не придавала ей особого значения до тех пор, пока не поняла, что не может больше работать на прежнем месте. Окончательно потеряв зрение к двадцати шести годам, Ева вынуждена была собирать заколки на дому и подрабатывать диспетчером. К ведению хозяйства вслепую она приспособилась за довольно короткий срок, научилась чистить и резать овощи на подносе — получалось быстро и аккуратно, да и убрать за собой гораздо проще. Наравне со зрячими домочадцами трудилась и на дачном огороде: пропалывала и поливала грядки и парник, рассаживала свёклу, копала картошку и собирала урожай, а потом они вместе с мужем в четыре руки консервировали на зиму то, что вырастили летом.

«Меня часто спрашивали, как мне удалось сохранить семью, — говорит Ева Александровна. — Но что значит удалось? Иначе, кажется, и быть не могло! Ни до свадьбы, ни после неё мы с Вадимом мои проблемы со зрением не обсуждали, он воспринимал их как данность. Могу только предполагать, что, как и родителям, мужу было тяжело, но при мне никто и вида не подавал. Тем более, что моя инвалидность ничуть не мешала полноценной жизни: по выходным мы всей семьёй катались за городом на санках и лыжах, ходили в кино, музеи и театры, а ведь совместное времяпрепровождение по-настоящему сплачивает людей и оставляет самые тёплые воспоминания.

Наши дочери росли в атмосфере любви и взаимопонимания и, наверное, поэтому никогда не стеснялись моей слепоты, с малых лет привыкнув к тому, что мама не видит. Не помню, чтобы мы им что-то специально объясняли. С раннего детства они понимали, что в жизни действительно важно, а что второстепенно, когда стоит бороться, а когда лучше смириться. Нелегко было не видеть их лиц. Но никогда и никому я не жаловалась. И девочки, и муж всегда жили с оглядкой на меня. Например, если другим платья во времена дефицита шили их мамы, то Марина и Наташа рано научились шить сами».

К сожалению, счастье не длится вечно, и в 2006-ом году после упорной борьбы с тяжёлой болезнью ушёл из жизни супруг Евы Александровны, с которым душа в душу они прожили 43 года. Оставшись наедине со своими мыслями в четырёх стенах, уже немолодая женщина почти физически ощущала абсолютный вакуум и с каждым днём всё больше погружалась в глубокое отчаяние. Но судьбой была уготована встреча, в корне изменившая её жизнь.

Однажды в поликлинике Ева Александровна услышала хвалебные отзывы о местном враче-психотерапевте и решила записаться к нему на приём. Первые же сеансы со специалистом дали свои плоды, причём совершенно неожиданно — творческие. В 63 года, впервые в жизни, она начала писать стихи: сначала тяжёлые, мрачные, и всё же постепенно тон их становился всё светлее и мажорнее. Пытаясь уйти от суровой реальности, начинающая поэтесса ежедневно со слезами на глазах и болью в душе писала по 3 — 4 стихотворения. Увы, помогала ей не муза, а лишь огромное желание навсег-

да стереть из памяти тревожные образы, хотя бы ненадолго уйти от тяжёлых воспоминаний. Позже, помимо психологических эссе, под творческим псевдонимом Ева Златогорова она выпустила сборник сказок про доброго котёнка Гришуню и автобиографию «Сценарий, которому не суждено стать фильмом»:

«Многое из увиденного до потери зрения я очень хорошо помню, поэтому сюжеты, описанные мной в книгах, вижу, как наяву. Иногда это почти полнометражные фильмы. Я с лёгкостью представляю детальные образы своих героев: их мимику, движения, одежду, окружающую их обстановку, планировку городов и красивые пейзажи. Вполне возможно, что представления мои несколько отличаются от действительности, но и аудиокниги, и фильмы, и спектакли я именно смотрю, а не слушаю — у меня перед глазами всегда непроизвольно возникает видеоряд. Очевидно, так моё воображение компенсирует отсутствие зрения. И всё же меня до сих пор постоянно спрашивают: „Зачем ты ходишь в кино и театр, если всё равно ничего не видишь?“. Обидно слышать такие слова, ведь слепой человек не лишён возможности наслаждаться искусством! Тем более, что сейчас появляется немало фильмов и даже спектаклей с тифлокомментированием. Я бываю на таких показах, и мне это очень нравится!»

После выхода в 2011 году «Сценария, которому не суждено стать фильмом» Ева Златогорова получила от читателей не только массу благодарных отзывов читателей, но и множество вопросов, вдохновивших её написание книги «Сценарий, которому суждено стать фильмом». И если первая книга похожа, скорее, на фильм с

тифлокомментарием, то вторая — уже на дневник. Однако обе они настолько красочны и кинематографичны, что временами совершенно забываешь о слепоте автора. Многие из нас наверняка хорошо поймут героиню, которая, обронив какую-то вещь, очень огорчается, потому что вслепую её приходится долго искать, которая тяжело переживает из-за случайно опрокинутой в гостях за столом чашки, грустит, когда все, кроме неё, с упоением и ностальгией рассматривают семейный альбом, расстраивается и сожалеет, что окружающие бывают часто менее внимательны, чем хотелось бы:

«Я не думала, для кого пишу — для слепых или зрячих, мне было необходимо лишь рассказать о своей жизни, чтобы облегчить душу. Первые детские книги я писала со слезами на глазах. Вообще, на протяжении этих двенадцати лет жизни после смерти мужа во мне постоянно раскачивается маятник, у которого меняется лишь амплитуда колебаний. Устойчивость — понятие для моей психики почти недостижимое. Окружающие этого часто не замечают, ведь я стараюсь скрывать свои эмоции, хоть это и непросто. Редко могу рассказать о своём состоянии кому-нибудь из друзей, но детям и внукам — никогда. Понимаю, как им станет тяжело, а посильную помощь они и так мне оказывают».

Ева Александровна откровенно признаётся, что так и не научилась самостоятельно перемещаться вне дома, потому что, во-первых, в зрелом возрасте гораздо сложнее научиться самостоятельно ориентироваться в пространстве; во-вторых, не хотела, чтобы близкие лишний раз нервничали и переживали за неё. Поэтому на многочисленные встречи с маленькими читателями в шко-

лах, библиотеках, больницах, детских домах, интернатах и прочих медико-социальных учреждениях писательницу всегда сопровождают зрячие помощники, ну и, конечно, чёрно-белый плюшевый котёнок Гришуня. Мероприятия эти неизменно посвящены теме толерантности по отношению к тем, кто нуждается в помощи и поддержке:

«Всю жизнь я посвятила детям и внукам, поэтому, когда и те и другие выросли, я ощутила острую нехватку общения с малышами и, видимо, интуитивно искала способ восполнить эту потерю. От литературы я всегда была далека, если чем и увлекалась, то математикой, поэтому даже представить не могла, что буду писать. Образ Гришуни возник в моём воображении спонтанно, но сюжеты его занимательных приключений неожиданно стали рождаться один за другим».

На сегодняшний день в библиографии Евы Александровны уже более 10 различных изданий, однако останавливаться на достигнутом она не собирается. Она пишет не ради заработка, напротив, тратит на издания своих книг личные средства и зачастую просто раздаривает их своим читателям, хотя и на полках книжных магазинов Москвы они, безусловно, встречаются. Особой популярностью пользуются детские книги с раскрасками. А недавно благодаря ИПТК «ЛОГОС ВОС» её сказки «заговорили» голосами профессиональных актёров, так что читатели могут прослушать их в аудиобиблиотеке av3715.ru.

Помогает она и другим начинающим авторам с ограниченными возможностями здоровья, для чего в 2009 году организовала собственное издательство «От сердца к сердцу». Так были выпущены сборник 10 писате-

лей-инвалидов, большинство из которых — колясочники, поэтический сборник Елены Гарбуз из подмосковного города Химки, страдающей ДЦП, а также книга Галины Смагиной из города Горловка «Искусство любви», в которой автор рассказывает о вреде гиперопеки и даёт массу полезных советов родителям особенных детей.

«Раньше я даже не догадывалась, что людей с инвалидностью так много! Но я убеждена, что ничегонеделание и чрезмерная опека могут исковеркать нашу жизнь, поэтому каждый из нас должен быть чем-то занят — только так мы сможем ощущать свою значимость и полноценность. А ещё я уверена, что возможности незрячих, особенно если их тренировать, гораздо выше, чем мы предполагаем. К сожалению, дружить со слепыми и слабовидящими я начала совсем недавно. Да, я работала в ВОС, но ни на какие мероприятия не ходила, хотя журнал «Наша жизнь» читала — интересно было узнавать о судьбах других инвалидов по зрению. Правда, брайль я так и не выучила, поэтому сама читать не могла, а у родных не всегда получалось, все были заняты своими делами. Но магнитофон с аудиокнигами был со мной повсюду. В последнее время часто задумываюсь о том, что очень мало сделала для членов Общества слепых. Меня, конечно, приглашали в передачу «Беседка» на радио ВОС, и даже некоторые мои произведения там транслировали довольно продолжительное время, но интерес ко мне быстро ослабел, а я не умею часто и напористо напоминать о себе».

Заниматься издательской деятельностью Еве Александровне помогают друзья и родные, например, иллюстратором и верстальщиком книг про Гришуню была

младшая внучка Алёна, она же придумала узнаваемый образ чёрно-белого котёнка, летающего на связке ярких воздушных шаров. Впоследствии именно он стал символом издательства, ведь окружающий мир в произведениях Златогоровой настолько богат цветами и оттенками, что не каждому зрячему дано увидеть такое разнообразие.

«Каждый период жизни я могу окрасить определённым цветом. Например, детство — нежно-розовым, нежно-голубым и нежно-зелёным. Юность — розово-красным, сине-голубым и салатово-зелёным, зрелость — красным, синим, зелёным... Есть у меня и любимые цвета: малиновый, вишнёвый, вообще оттенки красного, цвет морской волны и насыщенный зелёный».

Основная задача творчества Евы Златогоровой — показать, что для решения проблем существует множество путей, главное — верить в себя и не падать духом, как бы жизнь ни была. Несмотря на то, что её судьба полна неожиданностей, и не всегда приятных, друзья и знакомые часто обращаются к ней за советом, спрашивают её мнение, делятся переживаниями, а она, как скорая психологическая помощь, стремится всех выслушать и поддержать.

«Я проживаю собственную жизнь, и никто не виноват в том, что со мной произошло. А помощь ближним даёт возможность хотя бы на время забыть о своей беде. Помогая другим, мы прямо или косвенно помогаем и себе. Такую позицию я называю эгоистичным альтруизмом. А на неприятности стараюсь не обращать внимания: наступил кто-то в трамвае на ногу — молчу, потому что понимаю, вряд ли кому-то хочется сделать это на-

рочно. Если на мне срывают злость, тоже молчу — может, у человека просто настроение плохое и ему нужно эмоции выплеснуть. А хамить в ответ нельзя ни в коем случае!»

Связаться с Евой Златогоровой можно по электронной почте: eva_mail1@mail.ru. Приглашает писательница и на свой официальный сайт: www.grishynia.ru и на youtube канал: https://www.youtube.com/channel/UCCKeTuFlivHhq_6wmbLvR7

ОТКУДА БЕРУТСЯ РОДИТЕЛИ

В 2017 году Лилии и Ивану Черенёвым в роддоме в подмосковного Красногорска не хотели отдавать новорождённую дочь. Заведующая детским отделением сказала Лиле, что не может отдать ей ребёнка, так как они с мужем являются тотально незрячими, а значит, по её мнению, не могут создать ему нормальные условия жизни и ухаживать за ним.

Только после вмешательства восовской общественности и прессы ситуацию удалось разрешить - молодую маму выписали с новорождённой дочкой.

О том, чему научились Лилия и Иван с рождением дочери, как растёт маленькая Соня, расскажут в своих статьях счастливые родители.

ПОЕЗДКА В РОДДОМ

МАМА

В тот день всё как-то закрутилось и пролетело ураганом. Когда я поняла, что «Оно» начинается (а это было глубокой ночью), первым делом решила сходить в душ, поесть, умыться. Я полагала, что эти действия доведётся повторить ещё не скоро. Как оказалось впоследствии, это были правильные расчёты.

В течение этих пяти часов я стояла, сидела и лежала в самых разнообразных позах. Используя специальную дыхательную гимнастику, описание которой нашла в Интернете, дышала экономным и собачьим дыханием,

даже успела немного вздремнуть. А самое главное, ощущала огромное напряжение и как бы окаменение мышц живота и всего, что внутри него. Мне пришло в голову, что схватки — это брюшные судороги.

Три объёмных пакета для роддома уже недели три находились в полной боевой готовности. А вот это был мой просчёт. Во-первых, медперсонал такому количеству вещей не обрадовался — почему-то медсёстрам очень не нравится таскать все твои пакеты, пока ты в это время тащишь себя и свой живот в предродовую палату; во-вторых, в послеродовой палате было мало места для всего того, что мне при сборах казалось таким необходимым, а на пол ставить ничего, кроме тапочек, не разрешили; в-третьих, большинство из всего взятого просто не понадобилось. Но об этом как-нибудь в следующий раз.

К слову, во многие больницы с собой нельзя брать ни дамские, ни дорожные, ни хозяйственные сумки. Надеюсь, мысль про чемодан вам в голову даже не придёт. Только полиэтиленовые пакеты, на них скапливается меньше грязи и болезнетворных микробов, и к тому же их (в смысле пакеты) можно мыть.

Через единую службу экстренных вызовов по номеру 112 муж Иван звонит в «скорую»:

— Жена рожает.

Сухой голос в трубке:

— Назовите причину вызова.

Муж в недоумении:

— Говорю же, жена рожает.

В ответ:

— Я поняла. Какая причина вызова?

Ваня начинает нервничать:

— Какая ещё нужна причина вызова?! Женщина рождает, нужна машина «Скорой помощи», чтобы поехать в роддом.

Диспетчер раздражается:

— Вы назовёте мне причину или нет? Схватки, воды отошли или ещё что?

Муж выдыхает:

— Аааа! Схватки.

Далее идёт выяснение подробностей. Длительность и промежутки между схватками (да-да, это тоже важно заметить, можно и с секундомером), сколько полных лет роженице (тут мужчина может растеряться), ну и, конечно, адрес, по которому нужно подать машину.

Задолго до поездки я почитала отзывы про то место, куда меня везла карета скорой помощи. Конечно, не санаторий, но мне этого и не надо. Тогда я знала, что роддом можно выбрать, но плохо представляла, как поступить, чтобы попасть в то медицинское учреждение, в которое хочешь, а не туда, куда везут в твоём районе. Ну да ладно.

Мы едем, едем, едем... а внутри каждые 5 минут всё сжимается и просится наружу. Кстати, за инвалидность первой группы по зрению мне перепал бонус — мою маму тоже взяли в «скорую».

И вот мы в приёмном покое. Тут начинается возня с бумажками, хотя это последнее, что мне сейчас нужно, но, видимо, чрезвычайно важно для медицинского учреждения. И где это светлое будущее, когда вся информация о человеке находится в одной электронной базе, карточке или даже чипе?

Сначала принимают документы — паспорт, полис ОМС, обменную карту, родовой сертификат и больничный (если

он имеется); снимают с них копии, если ты опрометчиво забыла это сделать заранее; заполняют и дают подписать целую кипу бумаг — личные и медицинские данные, различные согласия на врачебные вмешательства и отказ от них, кстати, такие ещё дадут и в предродовой палате, и почти сразу после родов; задают массу вопросов — какие по счёту беременность и роды, какая группа крови, нет ли аллергии, когда начались схватки и много-много других, хотя почти всё это, естественно, кроме схваток, написано в документах.

Во всей этой бумажной круговерти есть одна деталь: все заявления, согласия и отказы должны быть написаны от руки, что, как вы понимаете, для нас достаточно проблематично. Тут на помощь нам может прийти рука родственника, предусмотрительно взятого вместе с пакетами из дома. Если же такового рядом не оказалось, нужно попросить распечатать текст документа, подписать его и приложить справку об инвалидности.

Дальше была подготовка: осмотр, взвешивание, кровь из пальца, переодевание в больничную одежду и ещё кое-какие манипуляции.

Ну вот я и лежу на кушетке в предродовой палате и занимаюсь чем положено — жду. Жду, пока прорвётся околоплодный пузырь (или ему помогут) и отойдут воды. Да, вопреки тому, что показывают в фильмах, чаще всего это происходит именно в роддоме. К слову, околоплодный пузырь — это герметичная ёмкость, внутри неё в жидкости на протяжении всей беременности находится малыш.

Время от времени меня осматривает врач, а аппарат кардиотокографии снимает сердцебиение ребенка. Акушерка, которая бегает от одной роженицы к другой, просит успокоиться и сосредоточиться, напоминает, как

дышать. Если врачи соберутся колоть «Но-шпу» для уменьшения спазмов или гормон окситоцин для улучшения родовой деятельности, она обязательно сообщит об этом.

Наконец-то макушка внутриутробного существа показала настолько, что можно перемещаться в родзал. Там меня уложили на специальную кровать, которая на самом деле является креслом, и велели принять хитро-гимнастическое положение.

Дальше дыхание, потуги, дыхание, потуги, дыхание и... нет, не ребёнок. Сначала делают надрез, и только потом выскальзывает нечто, что акушерка выкладывает на мой живот и прикладывает к груди.

Беззубыми, но очень жёсткими дёснами оно жамкает меня, а я складываю на него руки и говорю: «Это же зверёныш какой-то!» Врач акушер-гинеколог (не путать с акушеркой, потому что это родовая медсестра), видимо, усомнившись в моей способности адекватно воспринимать происходящее после родов, убеждает меня, что это не зверёнок, а ребёнок. Я ей верю.

А ещё до меня откуда-то из глубины помещения доносится: «Девочка, рост пятьдесят один сантиметр, вес три килограмма и двести сорок грамм». «Ну,— думаю, — прямо в стандартные параметры уложилась!»

Спрашиваю, который час, и, получив ответ, прикидываю, сколько времени прошло от первой схватки. Ничего себе! Восемь с половиной часов! Быстро отстрелялась! А родственники, знакомые и всезнающий Интернет говорили, что первые роды могут длиться сутки и даже больше.

Просыпаюсь после наркоза, в который меня зачем-то окунули для наложения швов, хотя гормональный кок-

тейль, захлёстывающий только что родившую женщину, служит ей естественной анестезией, и чувствую, что лицо безудержно и бесконтрольно расплывается в улыбке. Это всё те же гормоны во главе с окситоцином, который ещё называют гормоном радости. Бывает, что они, наоборот, вызывают слёзы, тут всё индивидуально.

Меня на каталке везут в послеродовое отделение. Я говорю медсёстрам: «Ой, так хорошо!» Они, улыбаясь, отвечают: «Ну хоть кому-то хорошо». Ребёнка же забирают в детское отделение.

В палате мне дают предметы первой необходимости: воду и телефон. Начинается обзвон всех причастных и равнодушных. Заплетающимся языком пытаюсь изложить ещё более заплетающиеся мысли. Вставать несколько часов нельзя.

Вечером приносят дочку, кладут рядом со мной на кровать, показывают, как кормить. Впрочем, кормлением это назвать сложно, потому что молоко не приходит сразу, в первые дни жизни ребёнка его заменяет молозиво. Польза этой жидкости для младенца обратно пропорциональна её количеству. То есть пользы много, а количества мало. И такое положение дел не всегда устраивает новорождённого.

Мне поначалу страшно шевельнуться и тем более притронуться к малышке, но мы потихоньку осваиваемся. Я осторожно, как хрустальную вазу, в первый раз с помощью медсестры, а потом и сама беру её на руки и очень горжусь, что не сломала и не уронила.

В течение нескольких дней её приносят четыре раза в день из детского отделения. Вообще, в современных роддомах детей в основном оставляют в специальных люльках-тележках рядом с мамой в палате. Но в случае

инвалидности женщины медперсонал обычно принимает решение забрать ребёнка в детское отделение.

В последующие дни я была на осмотрах и УЗИ, сдавала анализы, проходила восстановительную терапию. И конечно, продолжился бюрократический марафон. Теперь уже дают подписать бумаги на новорождённого. Это согласия или отказы для исследований и прививок.

Но вот я получаю и подписываю последние документы, а медсестра несёт дочку в выписную комнату. Она ловко одевает ребёнка в только что привезённую родственниками одежду и заворачивает в кучу пелёнок и одеял. Весь этот немислимый свёрток вручается отцу семейства.

Объятия, поздравления, цветы, фотографии — всё согласно лучшему из сценариев.

ПАПА

Одним не самым солнечным и не слишком тёплым, но всё-таки летним днём мы с родственниками и друзьями отправились в приёмный покой ближайшего родильного дома, где мне должны были вручить мою недавно появившуюся на свет копию.

А ведь сказал бы мне кто-нибудь лет пятнадцать назад, когда слова «семья» и «дети» ассоциировались с ограничением личной свободы, что я вот так запросто поеду забирать из роддома новорождённую дочь, не поверил бы. И уж тем более не поверил бы в рассказы на тему «Дети — это цветы жизни», ибо как могут эти маленькие сопливые и натужно кричащие существа вообще вызывать позитивные эмоции.

На практике же выяснилось, что до появления ярких позитивных эмоций предстояло ещё пережить некоторое количество весьма недетских испытаний.

А пока, не подозревая об испытаниях, я направлялся в роддом и размышлял о том, что я буду чувствовать, когда возьму на руки частицу себя, выраженную в виде нового человека.

Пикантности всей ситуации добавляло полное отсутствие у меня такой удобной и, безусловно, полезной функции организма, как зрение. И уж конечно, когда боишься по причине отсутствия зрения попасть в какую-нибудь неловкую ситуацию, то обязательно в неё попадаешь.

Надо сказать, что новорождённые малыши в первые месяцы жизни не могут самостоятельно держать голову в определённом положении. Потому чаще всего приходится носить их на руках горизонтально, поддерживая их голову ладонью или внутренним сгибом локтя.

Именно в горизонтальном положении мне и вручили огромный свёрток из пелёнок и одеял, в недрах которого вместе с приятной тяжестью, судя по всему, затаилась какая-то внимательно изучающая и любопытная деятельность.

Множество раз по пути в роддом я представлял себе нашу первую встречу и думал о том, что это будет миг, пронизанный внутренним философско-жизненным пафосом, но вместо того первая мысль была: «Да ведь это же кабачок!»

Новорождённая София была с ног до головы закутана в массу пелёнок и представляла собой продолговатый предмет, как мне тогда показалось, одинаковый с обоих концов. Именно эта одинаковость и заставила меня вместо глубокомысленных переживаний задуматься над определением, с какого конца свёртка находится голова.

Казалось бы, чего проще? По звуку определить, какой из концов пищит и капризничает, но «Кабачок» внутри

свёртка хранил упорное молчание и сам, похоже, не знал, как реагировать на нового для него человека.

Замешательство затягивалось, а мне хотелось вот так просто взять дочку на руки и, повернувшись в сторону её лица, сказать: «Ну вот мы наконец и встретились», или «Привет, Кабачок!»

Держать ребенка строго горизонтально, к слову, не слишком удобно, и потому хочется хотя бы немного поднять его голову и, слегка опустив ноги, расположить его под небольшим наклоном. Но голова, ровно как и ноги, всё никак себя не проявляли. Я решил не испытывать судьбу, а также нервы медперсонала и вынести Софию из роддома в строго горизонтальном положении.

Мы вышли на улицу, и тут содержимое пелёнок разразилось таким душераздирающим криком, что на мгновение я забыл, зачем вышел. В сознании возникли одновременно две мысли. Первая: «Ура! Голова у неё и вправду, кажется, всё-таки есть!» и вторая: «Сейчас медперсонал подумает, что я что-то не так делаю с малышкой. Ведь не может же человек кричать так, как будто подвергается четвертованию, если у него при этом всё хорошо?»

Позже на практике я узнал, что подобная реакция новорождённого на различные раздражители, как то: неудобная одежда, слишком жёсткая для младенческой кожи ткань, собравшаяся под спинкой складка на пелёнке, о существовании которой (нет, не пелёнки, а складки) можно никогда так и не узнать, перемена атмосферного давления, некруглосуточная поставка в организм тёплого молока, неудобство позы возлежания и, конечно, нестабильность курса криптовалюты на рынке финансов — абсолютно обыкновенное дело. А пока я стоял

на крыльце роддома и чувствовал себя не вполне состоятельным отцом.

Но вот мы забрались в машину, тут же в подготовленных заранее вещах нашлась силиконовая пустышка, и в салоне воцарилась вождеденная тишина.

«Кабачок» ехал на коленях жены Лилии, причавкивал пустышкой и производил вполне мирное и благостное впечатление, так что нельзя было и предположить, что будет происходить, когда наступит ночь.

ПРОБА ПЕРА

Анастасия Анянова

Ученица Челябинской школы № 127

ПУТЕШЕСТВИЕ ЗЕМЛЯНИЧКИ НА ОСТРОВ НЕЗРЕЛЫХ АНАНАСОВ

Жила-была в Ягодном городе маленькая Земляничка. Однажды её семья решила отправиться в морское путешествие. Они сели на корабль и отправились в море. Они долго плыли, и вот наступила ночь. В темноте отец Землянички не заметил рифа, и корабль врезался в скалы. Всё семейство выбралось на берег. Утром стали думать, как же починить корабль.

Маленькой Земляничке наскучило сидеть на берегу и слушать разговоры взрослых, и она решила отправиться на прогулку в джунгли. Она взобралась на пальму, с неё по лиане перебралась на другую, потом на следующую и ещё долго так лазила, ловко цепляясь своими усиками за ветки и лианы, всё дальше углубляясь в тропический лес.

Так она добралась до поляны, на которой возле костра сидело дикое племя незрелых ананасов и играло в мяч из листьев пальмы. Малышка бесстрашно спустилась на полянку.

Как только ананасы её заметили, они перестали играть и сгрудились вокруг девочки. Они все здоровались

наперебой, радуясь госте, а потом накормили и уложили спать. Утром, когда Земляничка проснулась, ананасы предложили ей поиграть с ними, и она согласилась. Так они и веселились весь день. На следующий день история повторилась.

Но вот Земляничка почувствовала, что очень скучает по своей семье, и попросила ананасы отвести её на берег. Но ананасы не хотели отпускать девочку, уж очень им понравилось играть с ней. Они очень просили её остаться с ними ещё на пару дней, и Земляничка всё же согласилась и прожила ещё неделю в ананасовом племени. Всё это время ананасы развлекали её, как могли, они играли в разные игры, ходили к морю купаться, лазили по деревьям, рассказывали ей сказки, и маленькая Земляничка на время забыла о семье.

Но через несколько дней она всё же поняла, что очень скучает по своим братьям и сёстрам, по маме и папе, и ещё раз попросила, чтобы ананасы отвели её к ним.

Они не смогли ей отказать, ведь они видели, как скучает малышка по своей семье. Наутро они собрались и всем племенем проводили её до берега моря.

Семья Землянички очень обрадовалась, что она жива и здорова, а незрелые ананасы помогли им починить корабль. И вся семья благополучно добралась до дома.

Илья Кравцов

Ученик Челябинской школы № 127

ЧТО Я ЛЮБЛЮ

Я люблю жить у бабушки. Она печёт мне вкусные блины и любит меня и моего брата. И никогда нас не ругает.

Я очень люблю сладкое. Могу даже пить чай с сахаром, хоть мама мне и не разрешает.

Я люблю играть в бильярд. Хоть я играю плохо, но это одно из моих хобби. Этот вид спорта развивает мозг.

Я люблю слушать, как наши ребята из хорошего коллектива играют на гитарах, когда мы едем на гастроли в поезде.

Я обожаю ходить с мамой по магазинам, в которых продают одежду, так как там можно купить много ярких и полезных вещей: от простых джинсов до чёрных шляп. Шопинг — это моя слабость.

Я люблю ходить на концерты камерного оркестра «Классика» под управлением Адика Абдурахманова, так как я обожаю классическую музыку и мне нравится этот дирижёр.

Когда мы с мамой ходим в оперный театр, я всегда прошу маму купить билеты на балкон. Мне очень нравятся эти места, потому что сверху открывается чудесный вид на сцену.

Я обожаю красивые комбинации в футболе, потому что, на мой взгляд, счёт — это не главное.

Я люблю ходить на хоккей и болеть за челябинский «Трактор».

Я люблю путешествовать на поезде, так как из окна вагона можно наслаждаться видом красивой природы.

Я люблю ездить с дедушкой в различные поездки, которые он дарит мне на день рождения. С ним я уже побывал в Москве, в Санкт-Петербурге, в туре по Золотому кольцу России, а также в Тунисе.

Я обожаю физику, потому что на этом уроке можно проводить различные опыты и эксперименты. Физика — мой любимый учебный предмет.

Я люблю читать детективы, потому что там много интриг.

Вот что я люблю!

НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ

Ева Златогорова

ШЁПОТ ВЕТРА

Глубокая осень, дождливые дни,
Гуляем мы в парке сегодня одни.
Нам солнце не светит, лишь ветер шумит,
По-дружески, шёпотом нам говорит:

— Невзгоды проходят, как дождик и снег.
И снова надеждой живёт человек.

ПРОГУЛКА ПО ЛЕСУ

Мы гуляли сегодня в лесу,
Лес по-прежнему тих и спокоен,
И его охраняя красу,
Дуб столетний стоит, словно воин.

Удивляться могу бесконечно
Совершенству земной красоты.
Леса жизнь — это целая вечность.
Наша жизнь — это только часы.

* * *

Взяв за руку крепко, судьба нас ведёт.
«Куда?» — спросим мы и услышим: «Вперёд».

«А что впереди? Ждёт нас радость иль грусть?»
Судьба отвечает: «Сказать не берусь».

Хотим, не хотим — руки не отнять,
С судьбой неустанно по жизни шагать.
Думай — не думай, гадай — не гадай...
Верь в лучшее завтра, надейся, мечтай.

ДОБРОТА

Что в жизни бывает ценнее?
Что дорого всем и всегда?
Что делает всех нас сильнее?
Конечно, людей доброта.

И мамины тёплые руки,
И ласковый голос её
Помогут тебе при разлуке
И сердце согреют твоё.

К нам могут прийти чередою
Разлука, и боль, и беда.
Пусть в час этот будет с тобою
Людей дорогих доброта.

А справившись с болью своею,
Спеши поскорее туда,
Где души людские в сомненье,
Где срочно нужна доброта.

* * *

В памяти часто всплывают
Жизни прошедшей года,

Мысли в той жизни гуляют
С радостью, но не всегда.

Хочется вспомнить такое,
Что по прошествии лет
Ярким костром воспыхает,
Гордостью прежних побед.

Жизнь — полосатая зебра,
С этим смиряемся мы,
Чёрной полоской ступая,
Ждём наступленья весны.

* * *

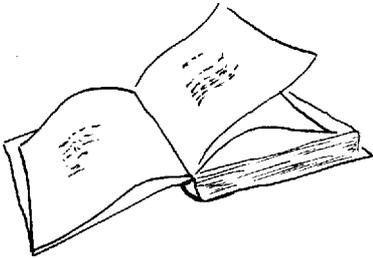
Бабьего лета нам признак известен:
Тёплое солнце в конце сентября,
Листьев окрас жёлто-красно-лучистый,
И паутина летает с утра.

Осень нас радует яркостью красок.
Крон разноцветье с палитрой сравним,
Ветки под тяжестью зреющих яблок
Прочной подпоркою мы укрепим.

И проходя по осенней аллее
В свете оранжевых солнца лучей,
Веру в хорошее в сердце лелеем,
Мечтая о радостях будущих дней.

БЕНЕДИКТ ЛИВШИЦ

1886 — 1937

В русской литературе многие имена, бывшие когда-то её украшением, теперь потеряны и забыты. В XX веке из живого литературного потока изъяли огромный кусок, обескровив и искалечив его беспощадно. Мы и сегодня почти не знаем десятков имён замечательных русских поэтов и писателей, покинувших Родину, погибших в ГУЛАГе или отвергнутых новой советской идеологией.

Одно из таких имён — имя Бенедикта Лившица. Его место в разнообразной и сложной картине культурной жизни XX века определить трудно. Он талантливый и самобытный поэт, блистательный мастер перевода, создатель уникальной антологии новой французской поэзии, участник и летописец зарождения русского футуризма, искусствовед — знаток авангардистской отечественной живописи. В одном лице — и теоретик, и практик, и историк. Он был эрудитом в лучшем смысле этого слова.

Бенедикт Лившиц родился 25 декабря 1886 года в Одессе, в семье состоятельного негодцианта. В 1905 году он окончил с золотой медалью гимназию. Будущий поэт получил классическое образование и принял его не как тягостную необходимость, а как открытие обширного мира богов и героев.

Окончив юридический факультет Киевского университета, Б. Лившиц почти сразу навсегда распрощался с юриспруденцией. Интересы влекли его в совершенно

другие области. Он начал писать стихи ещё подростком, но в 1907 году уничтожил все рукописи. Печататься начал в 1909 году. В 1910 году три стихотворения Лившица были напечатаны в петербургском журнале «Аполлон», а год спустя в Киеве, когда он был ещё студентом, увидел свет первый сборник поэта «Флейта Марсия», вышедший тиражом всего 150 экземпляров. Тем не менее он был замечен и критикой, и читателем. В. Брюсов писал: «Все стихи г. Лившица сделаны искусно; можно сказать, что мастерством стихосложения он владеет вполне, а для начинающего это уже не мало». Бенедикт Лившиц владел культурой в широком понимании слова, и это, конечно, прежде всего привлекало Брюсова, строгого и взыскательного критика.

Поэтика Бенедикта Лившица формировалась не только под влиянием русского символизма, с ранней юности он был страстным поклонником новой французской поэзии, его кумирами были так называемые «проклятые» поэты — Бодлер, Рембо, Верлен. «Проклятые» не отворачивались от повседневного и включали в свои стихи грубые явления жизни. Бросая вызов эстетизму, мещанскому лицемерию и скучной добропорядочности, они обращались к темам, считавшимся запретными. «Красивая вещь встречается со страшной вещью» — так определил один из критиков их поэтический мир. В пору, когда русский футуризм ещё только зарождался и даже не имел своего названия, такая встреча поэзии со «страшной вещью» была неожиданной и новой. Она, по сути, предшествовала футуристическому эпатажу, и Бенедикт Лившиц был к нему готов.

Зимой 1911 года поэт познакомился с братьями Бурлюками. «В 1912, — вспоминает Лившиц, — в моих ли-

тературных взглядах происходит перелом, лично мне представляющийся результатом естественной эволюции, но моим тогдашним единомышленникам казавшийся ничем не оправданным разрывом со всем недавним окружением». Немаловажную роль в этом переломе сыграло его тесное общение с Давидом Бурлюком и участие в творческой группе «Гилея», позднее преобразовавшейся в кружок кубофутуристов, к которому примыкали В. Хлебников, А. Кручёных, В. Маяковский, В. Каменский.

В 1912 году вышел сборник всех поэтов-кубофутуристов «Пощёчина общественному вкусу», широкую известность он получил благодаря сопровождавшему его одноимённому манифесту. Лившиц поместил в сборнике свои произведения, но манифест не подписал и позже резко критически его оценивал: «Я спал с Пушкиным под подушкой - и сбрасывать его, вкуче с Достоевским и Толстым, с „парохода современности“ мне представлялось лицемерием». Двойственность позиции Лившица в футуристической среде, как и двойственность его поэзии, разительно отличавшейся от поэтических экспериментов Хлебникова и Кручёных, была очевидна. Усвоить темперамент своих литературных собратьев Бенедикт Лившиц не мог, этому научиться нельзя. Зато гротеск, грубость «проклятых» с его лёгкой руки подхватил Давид Бурлюк, а через него — юный Маяковский. Бенедикт Лившиц в своих новых стихах начисто от них отказался. Наоборот, он пытался внести в футуризм элементы высокого эстетизма, чуть ли не гармонии и ясности. И притом оказался менее понятным и понятным, чем заумник Алексей Кручёных, вызывающе грубый Давид Бурлюк или волшебник «самовитого» слова Велимир Хлебников.

Сам Лившиц так оценивал этот свой футуристический период: «Во всех многочисленных, шумных, а зачастую скандальных выступлениях „Гилеи” я принимал неизменное участие, так как несмотря на всё, что меня отделяло, например, от Кручёных и Маяковского, мне с бюджетлянами было всё-таки по пути». Но отделяло, как оказалось, многое. Крайностей футуризма Лившиц, в конечном счёте, не принял. Его отход от группы был неизбежен, а начало мировой войны и призыв в действующую армию сделал этот разрыв неизбежным.

В годы Первой мировой войны, он был призван в армию из запаса. Его зачислили в 146-й Царицынский пехотный полк. Воевал он храбро, стал георгиевским кавалером, был ранен на фронте, а в 1914 году, демобилизовавшись по ранению, поселился в Киеве. Он прожил там почти безвыездно восемь лет и в 1922 году снова поселился в Петербурге.

Лифшиц опубликовал четыре сборника стихотворений, но с 1928 года стихов практически не писал, занимался художественным переводом. Он выпустил несколько книг переводов из французской поэзии, выдержавших несколько изданий. Они пользовались бóльшим признанием, чем его оригинальные стихи. Многих французских поэтов мы до сих пор читаем именно в его переводах.

Самая известная книга Бенедикта Лившица — «Полтораглазый стрелец», книга воспоминаний и размышлений, вышла в 1933 году. Ещё свежа была память о событиях, в ней описанных, многие их участники были живы. Недавнее прошлое оценивалось ими по-разному, и потому историческое отношение к нему ещё не сложилось. А Бенедикт Лившиц как раз пытался встать на историческую точку зрения, дать как можно больше

фактов и проанализировать их. Он хорошо видел у футуристов расхождение теории с практикой, отделял декларации от реальных достижений. Наконец, для него была явной исчерпанность анархического бунта, не способного дать положительные ценности. Несколько десятилетий книга не переиздавалась. Но она жила. Без неё не мог обойтись ни один исследователь раннего Маяковского, Хлебникова, вообще литературной жизни предреволюционных лет. Книга давала уникальные сведения о зарождении футуризма. О создании его манифестов и деклараций, о подготовке выступлений и спорах среди его участников. И что особенно важно — это был взгляд изнутри, взгляд не только свидетеля, но и участника событий.

Одну из глав «Полутораглазого стрельца» Бенедикт Лившиц начал словами: «Литературный неудачник, я не знаю, как рождается слава». Действительно, слава к нему так ни разу и не пришла. Даже в пору самых громких выступлений футуристов его имя звучало скромно. Он никогда не занимал место в первых рядах поэзии. Писал немного, книги его выходили ничтожными тиражами и, кроме переводов, не переиздавались. Сам его облик был неясен, потому что из-за недоступности большинства книг трудно было связать воедино работу поэта, переводчика, мемуариста.

В октябре 1937 года Лившиц был арестован, а 21 сентября 1938-го расстрелян как враг народа.

* * *

Уже непонятны становятся мне голоса
Моих современников. Крови все глуше удары

Под толщею слова. Чуть-чуть накренить небеса —
И ты переплещешься в рокот гавайской гитары.

Ты сумеречной изойдёшь воркотнёй голубей
И даже ко мне постучишься угодливой сводней,
Но я ничего, ничего не узнаю в тебе,
Что было недавно и громом, и славой Господней.

И, выпав из времени, заживо окостенев
Над полем чужим, где не мне суждено потрудиться,
Ты пугалом птичьим раскроешь свой высохший зев,
Последняя памяти тяжеловесной зарница...

Чуть-чуть накренить эти близкие к нам небеса,
И целого мира сейчас обнажатся устои,
Но как заглушу я чудовищных звёзд голоса
И воем гитары заполню пространство пустое?

Нет, музыки сфер мы не в силах ничем побороть,
И, рокоту голубя даже внимать не умея,
Я тяжбу с тобою за истины чёрствый ломоть
Опять уношу в запредельные странствия, Гея*.

ПРОРОЧЕСТВО

Когда тебя петлёй смертельной
Рубеж последний захлестнёт,
И речью нечленораздельной
Своих первоначальных вод

*Гея — древнегреческая богиня Земли.

Ты воззовёшь, в бреду жестоком
Лишь мудрость детства восприяв,
Что невозможно быть востоком,
Навеки запад потеряв, —

Тебе ответят рёв звериный,
Шуршанье трав и камней рык,
И обретут уста единый
России подлинный язык,

Что дивным встретится испугом,
Как весть о новобытии,
И там, где над проклятым Бугом
Свистят осинники твои.

* * *

И, медленно ослабив привязь,
Томясь в береговой тиши
И ветру боле не противясь,
Уже зовёт корабль души.

Его попутное наитье
Торопит жданный час отплытья,
И, страстью окрылён и пьян,
Уже стремится в океан.

Предощущениями неги
Неизъяснимо вдохновлён,
Забыв едва избытый плен,
О новом не ревнуя бреге,

Летит — и кто же посягнёт
На дерзостный его полёт?

* * *

В потоке — воля к берегам,
Своя Голландия и шлюзы;
В лесах — не только пёстрый гам,
Но и наитье птичьей музы.

Пусть сердцевина не сладка
В плоде, доставшемся от змия:
К чему отчаянье, пока
Ты правишь миром, эвритмия?*

И лишь в бессоннице: не в той,
Где всё — бессмертия порука,
Но там, где вечной темнотой
Разъеден самый корень звука,

Тебя теряя, внемлю я
Над бездной, общей нам обоим, —
О, ужас! — духа перебоям
В пространствах полых бытия.

* * *

Я знаю: в мировом провале,
Где управляет устный меч,
Мои стихи существовали
Не как моя — как Божья речь.

**Эвритмия* — искусство художественного движения, появившееся в начале XX века в Европе. Это сочетание особо гармонизирующего движения, напоминающего танец и пантомиму, с поэтической речью или музыкой.

Теперь они в земных наречьях
Заточены, и силюсь я
Воспоминанием извлечь их
Из бездны инобытия.

Пою с травой и с ветром вою,
Одним желанием греша:
Найти хоть звук, где с мировой
Душой слита моя душа.

* * *

Он мне сказал: «В начале было Слово...»
И только я посмел помыслить: «Чьё?» —
Как устный меч отсёк от мирового
Сознания — сознание моё.

И вот — земля, в её зеленоватом,
Как издали казалось мне, дыму,
Откуда я на тех, кто был мне братом,
Невидящих очей не подыму.

Как мне дано, живу, пою по слуху,
Но и забывши прежнюю звезду,
К Отцу, и Сыну, и Святому Духу
Я вне земного времени иду.

НЕВА

Вольнолюбивая, доныне
Ты исповедуешь одну
И ту же истину, рабыней
В двухвековом не став плену.

Пусть нерушимые граниты
Твои сковали берега,
Но кони яростные взвиты
Туда, где полночь и пурга.

Пусть не забывший о героях
И всех коней наперечёт
Запомнивший ответит, что их
В стремнину тёмную влечёт?

Иль эти мчащиеся, всеу
Несбыточным соблазнены,
Умрут, как Пётр, от поцелуя
Твоей предательской волны?

ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ РОНДО

Печальный лик былой любви возник
В моей душе: вечерняя неистовая
Фантазия влечёт меня в тайник
Минувшего, и, тихо перелистывая
Страница за страницей дневник,

Я вновь, любовь, твой робкий ученик,
Я вновь тебе подвластен, аметистовая
Звезда любви, явившая на миг
Печальный лик...

И вновь легки неверные пути к
Былому, в сад, где соловей, насвистывая,
Узорит тишь, где занавесь батистовая
Дрожит в окне и, при луне, в цветник

Склоняется в простом венке гвоздик
Печальный лик...

ФУГА

Смолкнет длительная fuga
Изнурительного дня.
Из мучительного круга
Вечер выведет меня,

И, врачую вновь от тягот,
Смертных тягот злого дня,
Поцелуи ночи лягут,
Нежно лягут на меня.

Спрятав голову, как страус,
Позабыв о стрелах дня,
Я уйду в полночный хаос,
Вновь расцветший для меня.

А под утро за измену
Дам ответ владыке дня
И с проклятием надену
Плащ, измучивший меня.

НА БУЛЬВАРЕ

* * *

Никого, кроме нас... Как пустынна аллея платановая!
В эти серые дни на бульвар не приходит никто.
Вот — одни, и молчим, безнадежно друг друга обманывая:
Мы чужие совсем — в этих тёмных осенних пальто.

Все аллеи как будто устелены шкурой тигровой...
Это — жёлтое кружево листьев на чёрной земле.
Это — траур и скорбь. Я последнюю ставку проигрываю
Подневольным молчаньем — осенней серебряной
мгле.

Что ж, пора уходить?.. Улыбаясь, простимся
с безумиями...
Только как же сказать? — ведь осеннее слово —
как сталь...
Мы молчим. Мы сидим неподвижными скорбными
мумиями...

Разве жаль?

АЗ, БУКИ, ВЕДИ

Елена Ярышевская

ЛОХМАТАЯ МЕЧТА

Есть у меня заветная
Лохматая Мечта.
Простая и конкретная —
От носа до хвоста.

Когда б одним счастливым днём
Сбылась моя Мечта,
То я бы больше ни о чём
И не мечтал тогда!

Меня встречал бы у дверей
Весёлый звонкий лай.
И означал бы он: «Скорей
Со мною поиграй!»

Мечта бы мяч мне принесла,
Закинутый в кусты.
А я таскал бы со стола
Котлеты для Мечты,

Носил бы ей оладушки...
Но только — вот беда:

Сбылась у нашей бабушки
Пушистая Мечта!

Сметану ест из блюда
И спит до темноты.
Боюсь, не уживутся
В квартире две Мечты...

СРЕДСТВО ОТ БЕССОННИЦЫ

Солнце усталое прячется в речке,
Ночь наступает, сгущается мрак...
Что-то не спится сегодня овечке,
Сон не приходит к бедняге никак!

Но средство надёжное есть у овечек.
Снова овечка глаза закрывает:
— Раз человек,
 — два человек,
 — три человек...
И засыпает...

ЧТО ПОДАРИТЬ ВЕЛИКАНУ?

Опять до вечера бродить
По магазинам стану.
Как в день рожденья угодить
С подарком Великану?

Однажды я купил журнал
С игрой и гороскопом.
А Великан его читал
С трудом, под микроскопом.

Увидев мячик, произнёс
Мой друг без интереса:
«Ты мне горошину принёс?
Но я же не принцесса!»

Когда я саблю подарил,
Он помолчал минуту
И грустно поблагодарил:
«О! Зубочистка? Круто».

Опять до вечера бродить
По магазинам стану.
Совсем непросто угодить
С подарком Великану.

Идей, признаюсь, больше нет.
Ребята, нужен ваш совет!

Владимир Дуров

МОИ ЗВЕРИ

СЛОН БЭБИ

КАРЛИК

В городе Гамбурге был большой зоологический сад, который принадлежал одному известному торговцу зверями. Когда мне захотелось купить слона, я поехал в Гамбург. Хозяин показал мне маленького слонёнка и сказал:

- Это не слонёнок, это почти взрослый слон.
- Почему же он такой маленький? — удивился я.
- Потому что это слон-карлик.
- А разве бывают такие?
- Как видите, — заверил меня хозяин.

Я поверил и купил диковинного слона-карлика. За малый рост я дал слону кличку Бэби, что по-английски значит «дитя». Его привезли в ящике с окошечком. Сквозь окошко часто высовывался кончик хобота.

Когда Бэби приехал, его выпустили из ящика и поставили перед ним таз с рисовой кашей и ведро молока. Слон терпеливо загрёб хоботом рис и отправил его в рот. Хобот у слона — как у человека руки: Бэби хоботом брал пищу, хоботом ощупывал предметы, хоботом ласкал.

Бэби скоро привязался ко мне и, ласкаясь, водил хоботом по моим векам. Он делал это очень осторожно, но всё же подобные слоновьи ласки причиняли мне боль.

Прошло три месяца.

Мой «карлик» сильно вырос и прибавил в весе. Я начал подозревать, что в Гамбурге меня обманули и продали мне не карликового слона, а обыкновенного шестимесячного слонёнка. Впрочем, существуют ли вообще на свете карликовые слоны?

Когда мой «карлик» подрос, очень стало смешно наблюдать, как это громадное животное по-ребячьи шалит и резвится.

Днём я выводил Бэби на пустую арену цирка, а сам следил за ним из ложи. Сначала он стоял на одном месте, растопырив уши, мотая головой и косясь по сторонам. Я кричал ему:

— Бэби!

Слонёнок медленно двигался по арене, обнюхивая хоботом землю. Не найдя ничего, кроме земли и опилок, Бэби принимался играть, как детишки в песке: он хоботом сгребал землю в кучу, потом подхватывал часть земли и осыпал ею голову и спину. Затем он встряхивался и уморительно хлопал ушами-лопухами.

Но вот, подгибая сначала задние, а затем и передние ноги, Бэби ложится на живот. Лёжа на животе, Бэби дует себе в рот и снова осыпает себя землёй. Он, видимо, наслаждается игрой: медленно переваливается с боку на бок, хоботом возит по арене, разбрасывает во все стороны землю.

Навалявшись вволю, Бэби подходит к ложе, где я сижу, и протягивает хобот за лакомством. Я встаю и делаю вид, будто ухожу. У слона моментально меняется настроение. Он встревожен и бежит за мной. Ему не хочется оставаться одному.

Бэби не переносил одиночества: он топорщил уши и ревел. В слоновнике с ним обязательно должен был спать служащий, иначе слон своим рёвом не давал никому покоя. Даже днём, оставаясь один долго в стойле, он сначала лениво играл хоботом со своей цепью, которой он был прикован за заднюю ногу к полу, а потом начинал тревожиться и шуметь.

В стойлах возле Бэби стояли с одной стороны верблюды, а с другой — ослик Оська. Это для того, чтобы отгородить стоявших в конюшне лошадей, которые боялись слона, брыкались и становились на дыбы.

Бэби привык к своим соседям. Когда во время представления приходилось брать осла или верблюда на арену, слонёнок ревел и изо всех сил натягивал цепь. Ему хотелось бежать за своими друзьями.

Особенно он подружился с Оськой. Бэби часто просовывал хобот через перегородку и нежно гладил ослика по шее и спине. Раз Оська заболел расстройством желудка, и ему не дали обычной порции овса. Уныло опустив голову, он, голодный, скучал в стойле. А рядом Бэби, наевшись досыта, развлекался как мог: то положит клочок сена в рот, то вынет, повертит во все стороны. Случайно Бэбин хобот с сеном потянулся к ослику. Оська не прозевал: он схватил сено и стал жевать. Бэби это понравилось. Он стал загребать хоботом сено и передавать его через перегородку другу-ослику...

Раз я решил взвесить Бэби. Но где взять подходящие весы?

Пришлось его вести на вокзал, туда, где взвешивают товарные вагоны. Весовщик с любопытством посмотрел на необычный груз.

— Сколько? — спросил я.

— Без малого сорок пудов!* — ответил весовщик.

Сорок пудов? Хорош карлик! Что же будет дальше? Ведь мой «карлик» только начинал как следует расти: ему было немного более года. Я понял, что меня обманули.

— Это обыкновенный слонёнок! — сказал я мрачно. — Прощай, чудо природы — маленький, карликовый слон!..

БЭБИ БОИТСЯ... МЕТЛЫ

Слон не только умное, но и терпеливое животное. Посмотрите, как изорваны уши у любого слона, работа-

*Пуд — устаревшая единица измерения массы русской системы мер. С 1899 года один пуд равен 16,38 кг.

ющего в цирке. Обычно дрессировщики, обучая слона ходить по «бутылкам», или кружиться, или вставать на задние ноги, или садиться на бочку, действуют не лаской, а болью. Если слон не слушается, они рвут ему уши стальным крючком или же втыкают шило под кожу. И слоны всё терпят. Впрочем, некоторые слоны не выдерживают мучений.

Я, обучая животных, стараюсь действовать лаской, лакомым кусочком, а не побоями. Так я учил Бэби. Заставляя его что-нибудь делать, я ласкал его, похлопывал по груди и показывал сахар. И Бэби меня слушался.

Раз мы приехали в Харьков. Поезд с моими зверями выгружался на товарной станции. Из огромного пульмановского вагона показался Бэби. Его вожак Николай, выметая сор из-под слона, задел случайно метлой ногу Бэби. Бэби сердито повернулся к вожаку, растопырил уши-лопухи — и ни с места. Николай начал гладить Бэби, хлопал его по животу, чесал его за ухом, совал в рот морковь — ничто не помогало. Бэби не шевелился. Николай вышел из терпения. Он вспомнил старый способ цирковых дрессировщиков и стал колоть слона острым шилом и тащить за ухо стальным крючком. Бэби ревел от боли, мотал головой, но не двигался. На ухе его показалась кровь. На помощь Николаю прибежали восемь служителей с вилами и дубинками. Они стали бить бедного Бэби, но слон только ревел, мотал головой, а с места не двигался.

Я в это время был в городе. Меня разыскали по телефону. Я тотчас же прибежал на выручку Бэби — прогнал всех его мучителей и, оставшись со слоном наедине, громко и ласково позвал:

— Сюда, Бэби, сюда, маленький!

Услышав знакомый голос, Бэби насторожился, поднял голову, выставил хобот и стал с шумом втягивать воздух. Несколько секунд он стоял неподвижно. Наконец громадная туша зашевелилась. Медленно, осторожно Бэби стал выходить из вагона, пробуя хоботом и ногой доски трапа: прочны ли они, выдержат ли его.

Когда слон сошёл на платформу, служащие быстро задвинули дверь вагона. Я продолжал ласково звать упрямыца. Бэби быстро и решительно подошёл ко мне, обхватил хоботом мою руку выше локтя и слегка притянул меня к себе. И сейчас же он почувствовал на своём скользком языке апельсин. Бэби подержал апельсин во рту, чуть оттопырил «лопухи» и тихо, с лёгким ворчанием выпустил воздух из хобота.

Мой голос и ласка успокоили Бэби. Я осторожно освободил руку из-под хобота и пошёл по платформе. Слон пошёл за мной по пятам, как собака. Так я лаской добился того, чего не смогли добиться девять человек, вооружённых вилами и дубинками.

Дорогой нам встречались взрослые, дети. Они бежали за слоном. Многие протягивали ему яблоки, апельсины, белый хлеб, конфеты. Но Бэби не обращал внимания на все эти чудесные вещи; ровным шагом он шёл за мной. И я благополучно привёл его в цирк.

Первое выступление в Харькове прошло как нельзя лучше. Но вот через день началось второе выступление. Я стоял посреди арены. Публика ждала выхода своего любимца слона.

Только я собрался крикнуть: «Бэби, сюда», как вдруг из-за кулис показалась голова слона. Я сразу понял: Бэби взволнован. Уши у него растопырены, а хобот закручен улиткой. Он шёл очень быстро, но вовсе не ко мне. Меня

он даже не заметил и направился прямо к главному выходу.

Почувяв недоброе, я бросился к Бэби... но не тут-то было. Не обращая на меня никакого внимания, он всё тем же широким, быстрым шагом прошёл в фойе. Здесь его с граблями, вилами и барьерами встретили служащие и конюхи цирка. На слона посыпались удары. Публика повскакала с мест. У выходных дверей образовалась толпа. Кого-то придавили. Поднялась суматоха, перебранка.

Я бросился к Бэби. Вместе со служащими мы повисли на нём. Но Бэби твёрдо решил покинуть ненавистный цирк. Он шёл прямо к двери. Боясь быть раздавленными, мы отскочили от великана. Он вышел на улицу. Служащие бежали за ним.

Я вернулся на арену: не мог же я бежать по улице в клоунском наряде, с раскрашенным для представления лицом. Кроме того, надо успокоить публику. Я поднял руку и сказал:

— Дети, у Бэби заболел животик, и он сам пошёл в аптеку за касторкой.

Публика засмеялась и вернулась на места. Дети хохотали и весело повторяли:

— У слона заболел животик! Он сам пошёл в аптеку!

— Ему, наверно, надо ведро касторки!

— Умный слон! Только пускай скорее вернётся!

Я и сам хотел того же. Я очень беспокоился за Бэби. Где-то он теперь? Но я взял себя в руки и продолжал представление. Я закончил номер и уехал с арены на тройке остяцких собак.

Очутившись за кулисами, я быстро переоделся, стёр с лица краски, выскочил на улицу и на первом попавшемся извозчике помчался в погоню за беглецом.

Бэби успел переполошить весь город. Прохожие указывали мне дорогу. Я мчался к вокзалу. Но вот мне встретился служащий цирка. Он вскочил ко мне в пролётку и крикнул:

— Не беспокойтесь! Бэби цел... Он прибежал на товарную платформу... как раз туда, где мы выгружались.

— А как же он нашёл дорогу? Кто его повёл?

— Сам. Запомнил, значит...

— Извозчик, гони! — крикнул я.

И вот мы на вокзале. Ещё издали я заметил Бэби. Он стоял на той самой платформе, где выходил из вагона. Кругом — толпа любопытных. Я подошёл. Толпа расступилась. Я позвал:

— Бэби, сюда!

Слон сейчас же поднял хобот, повернулся ко мне и радостно заревел. Толпа дрогнула, почтительно уступая слону дорогу. Бэби с шумом выпустил через хобот воздух и, махая ушами, пошёл за мной.

Потом я узнал все подробности. Николай перед выходом слона на арену взял метёлку и стал подметать под ним навоз. Сначала Бэби не заметил метлы. Но вдруг тонкие, гнущиеся прутья нечаянно задели ноги слона. Бэби вздрогнул, подобрал зад, поджал короткий хвост и побежал на арену.

Из цирка он направился прямо к вокзалу. Он шёл уверенным шагом по улицам и переулкам, ни разу не сбившись с дороги. У ворот товарного двора, около вокзала, он на минуту остановился в раздумье. Засовы и замок преграждали путь. Но Бэби думал недолго. Великан слегка подналёг на ворота. Минута — и замок, затворы, скобы и балки полетели в разные стороны.

Бэби обошёл длинные каменные склады и направился к знакомой платформе. Вагонов он не нашёл: они

были переведены на запасный путь. Но Бэби не огорчился. Он стал равнодушно подбирать хоботом сор, бумагу и солому, оставшиеся на платформе после разгрузки.

Почему же громадный слон испугался безобидной метлы?

Цирковые артисты в то время отличались суеверием. Они пугались, если бумажка с ролью упадёт на пол — плохая примета: не будет успеха. Они не позволяли подметать метлой цирк, говоря: «Это значит вымести из цирка благополучие».

Вместо метлы в цирке всегда пользовались только граблями. Бэби отлично знал железные грабли и совершенно не был знаком с метлой. Она, наверно, показалась ему чудовищем, и он постыдно бежал.

Громадный слон испугался метлы, которая случайно попала в цирк.

Вечером он снова как ни в чём не бывало выступал на арене, похрустывая заработанным сахаром. И дети хлопали и кричали:

— Бэби поправился! У Бэби больше не болит животик!
А метлу, конечно, выкинули...

БЭБИ-ПАРИКМАХЕР

У меня был помощник, карлик, по прозвищу Ванька-Встанька. Вдвоём с Бэби они разыгрывали на арене смешную сценку «В парикмахерской». Публика очень любила этот номер.

Крошечный Ванька-Встанька выходит на арену. Я грозно кричу:

— Ванька-Встанька! Как тебе не стыдно выступать перед публикой небритым? Надо тебя побрить! Пойди переоденься, а я устрою здесь парикмахерскую.

Карлик уходит. На арену выносят большущую кровать с огромной, набитой сеном подушкой. Рядом с кроватью — тумба. На тумбе, в подсвечнике, — свеча. В другом углу арены — стол, а на столе — длинные железные щипцы и громадная деревянная бритва. У стола — стул на высоких ножках, горн с тлеющими углями, точило. У входа — декорация: дверь и окно с вывеской: «ПАРИКМАХЕР ИЗ ПАРИЖА СТРИЖКА И БРИЖКА СЛОНОВ».

Вот отворяется дверь. Появляется Бэби. Я представляю его публике. Слон раскланивается. Я говорю:

— Приведите в порядок парикмахерскую, смахните пыль и ложитесь спать. Завтра надо рано подняться: придут клиенты.

Бэби подходит к столу, хватается хоботом за ручку ящика, выдвигает его и достаёт салфетку. Стирая пыль со стола, он сметает на пол щипцы и бритву. Потом «парикмахер» начинает водить тряпкой по нарисованному окну, будто протирает стёкла.

— Спать, мастер, спать! — говорю я.

Бэби подходит к кровати и хоботом нашаривает под подушкой гигантского «клопа», величиной с полметра. Бэби кладёт «клопа» на землю и наступает на него ногой. «Клоп», сделанный из свиного пузыря, громко лопаётся. Публика хохочет.

Раздавлив «клопа», Бэби становится всеми ногами на кровать. Это он так ложится спать. Затем он берёт хоботом подушку и делает вид, будто хочет запустить её в подсвечник. Я кричу:

— Что вы делаете? Разве так тушат свечи?! — Я вырываю подушку. — Тушите!

Бэби вытягивает хобот и дует на свечу. Свеча вместе с подсвечником летит на землю. Я говорю:

— Вот кого бы следовало пригласить в пожарные.

В дверь стучат. Входит Ванька-Встанька. На нём пёстрое смешное пальто и лысый парик. Я кланяюсь «клиенту». Бэби тоже почтительно качает головой.

Карлик садится. Я подвязываю ему салфетку:

— Что угодно?

— Завейте, — говорит карлик, показывая на лысую голову.

— Да что же мы станем завивать?.. — удивляюсь я. — Мастер Слонов, проверьте голову посетителя.

Бэби свёртывает хобот улиткой и осторожно стучит им по голове Ваньки-Встаньки. Я беру щипцы:

— Нагрейте!

Слон берётся за рычаг горна и начинает накачивать воздух. Я подсыпаю бенгальского огня. Цирк освещается ярким красным светом.

— Пожалуйста, наточите бритву.

«Парикмахер» вертит хоботом ручку точила.

— А теперь не угодно ли взбить мыло для бритья?

Я подставляю Бэби ведро и швабру. Слон хоботом обхватывает «кисточку» и взбивает в ведре мыло.

Бэби водит шваброй по голове карлика. Ванька-Встанька в ужасе. Он кричит и болтает коротенькими ручками и ножками, а Бэби деловито собирает мыло с Ванькиной головы... себе в рот.

Я подаю «мастеру» деревянную бритву. Бэби начинает «брить». «Клиент» кричит благим матом:

— Ой, довольно! Пустите, довольно!

Он срывается с места и бежит к выходу. Бэби догоняет его.

Я говорю:

— Платите!

«Клиент» достаёт из кармана кусок сахара.

«Парикмахер» жуёт сахар и кланяется публике. Потом мы скрываемся за занавесом.

Эта сложная сценка очень нравилась детям. Подготовить её было не так-то легко. Пришлось затратить много труда и терпения.

Но и здесь, как всегда, я действовал только лаской и ни разу не ударил своего четвероногого ученика Бэби.

Слон любил меня и был послушен и добр. Но иногда на него находили припадки упрямства. Раз я повёл его на арену для репетиции. Вдруг Бэби вздумалось повернуть налево, в тускло освещённый проход под галереей. Я загородил дорогу и крикнул:

— Алле!

Но Бэби стал как вкопанный. Я взял его за ухо и с силой потянул в сторону. Бэби заревел, вырвался и двинулся к проходу. Я снова поймал его за ухо и снова повернул назад. Но Бэби не слушался. Я стал его ласково уговаривать и сунул ему в рот кусок сахара. В ответ раздался невообразимый рёв, будто я подсунул слону отраву. Бэби выплюнул сахар и снова потянулся к тёмному проходу. «Ладно, упрямец, — решил я, — будешь знать!» В проходе, под галереей, стояла железная печка. Она в это время топилась и была сильно накалена. Я подумал: «Бэби, проходя под галереей, обязательно заденет горячую печку». Я отпустил его ухо и отступил. Бэби пошёл куда хотел, дошёл до печки и, конечно, обжёгся. Он попятился, поджал короткий хвост и побежал ко мне. Я молча ждал. Бэби опустил хобот и стал жалобно гудеть. Я тихо погладил его, потрепал за ухо, и Бэби затих. Я начал репетицию. Упрямец был наказан.

Бэби разъезжал со мной по разным городам. Когда мы приезжали куда-нибудь и шли с вокзала в цирк, вокруг нас собиралась толпа. Мальчишки дивились длинному хоботу слона, его толстым ногам. Они целыми днями осаждали цирк. Они находили в стене щели, просовывали туда палки и дразнили Бэби. А Бэби в ответ прикладывал к щели хобот и дул на хулиганов.

В одном городе произошёл случай, который я никогда не забуду.

Наш летний цирк стоял на площади. Крыша цирка была сделана из парусины. Ночью поднялся сильный ветер, сорвал парусину и электрические провода. Наступила кромешная тьма. К счастью, публики в цирке не было. Но там были артисты, служители, звери. Во мраке раздавались крики людей, топот лошадей, треск ломающихся досок... Оглушительно заревел Бэби.

Я нащупал в темноте керосиновую лампу, зажёл и бросился к слону. При скудном свете лампы я увидел: всё стойло Бэби было разгромлено. Столбы, на которых держалась балка с цепью, были вырваны из земли вместе с досками. Бэби, объятый ужасом, высоко поднял хобот, растопырил уши и дёргал ногу с цепью, стараясь оторваться от балки. При этом он ревел во всё горло. Он потащил за собой балку; она застряла в проходе. Слон рвался и ревел. В соседних стойлах вздыбились лошади. Я понимал, что обезумевший Бэби может меня убить. Но выбора не было: я обязан был во что бы то ни стало успокоить слона.

Я приближался к нему, освещая путь тусклой лампой, и ласково звал: «Бэби, Бэби!» Добравшись до Бэби, я начал его гладить, чесать ему живот, я обнимал его, целовал в хобот — ничего не помогало. Бэби обезумел.

Он рвался с цепи, причиняя себе страшную боль: цепь всё глубже впивалась в ногу. Потом он упал на колени и чуть не задавил меня. Он загребал хоботом землю и выворачивал камни.

Но вот цирк наполнился слабым светом — это служащие нашли запасные лампы. Ветер стал тише. С большим трудом мне удалось снять цепь с ноги слона. Почувствовав облегчение, Бэби перестал реветь. Он долго не мог успокоиться, вздрагивал, топорщил уши и с шумом выпускал воздух через хобот.

Хорошо, что балка застряла и Бэби не мог вырваться на свободу! Обезумевший от страха, он наделал бы немало бед, и его пришлось бы пристрелить.

БЭБИ-ВОРИШКА

Бэби любил, когда служитель Николай смазывал ему тело вазелином. Вазелин предохраняет кожу от мороза: не смазанная жиром, кожа слона высыхает и трескается. Особенно чувствительны у слона уши.

Вот стоит, бывало, Бэби в стойле, а Николай усердно мажет его. Кожа слона начинает щеголевато лосниться. Бэби разнеживается и начинает шалить: мотает головой, болтает хоботом, будто верёвкой, старается толкнуть ногой табурет.

Шалил он много и во время купания. А купаться он очень любил. В Крыму, в Евпатории, толпы отдыхающих часами наблюдали, как мой Бэби купается в море. Слон кувыркался в волнах, как акробат. Он доставал хоботом со дна песок, обмазывал им себе голову и спину, бил хоботом по воде. Наигравшись вволю, он погружался в воду с головой — из воды торчал только коротенький хвост. Публика хохотала.

Бэби был большой попрошайка. Я его кормил очень хорошо, и всё же он всегда выпрашивал у публики подарки. Публика его любила и щедро угощала. Особенно старались дети. Они без конца совали в его цепкий хобот разные лакомства. Выйдет, бывало, Бэби на арену и давай кланяться. Со всех сторон бросают ему лакомства. А попрошайка кивает головой и похрустывает конфетами и сахаром.

Однажды я решил сосчитать, сколько же булок подарили Бэби. Оказалось, за один вечер в Москве гостеприимные москвичи поднесли Бэби сто двадцать шесть больших белых булок, и он всё съел.

Бэби попрошайничал везде: в цирке, на улице, на вокзалах. Один раз у вокзала, когда мы выгружались из вагона, вокруг Бэби собрались женщины, торгующие продуктами. Бэби заметил корзинку с капустой, картофелем и морковкой. Корзинку держала девочка лет одиннадцати. Забыв обо всём на свете, девочка смотрела на невиданного зверя.

Не долго думая, Бэби хоботом схватил корзинку и всю её, вместе с содержимым отправил в рот. Девочка застыла от удивления. Молча она следила за тем, как слон глотает её корзинку.

Бэби поел (видно, ему понравилось) и по привычке стал усиленно кланяться: он благодарил за угощение. Девочка растерялась, замигала глазами и в ответ тоже стала кивать слону. Публика захохотала. Пожалуй, даже и в цирке у Бэби не было лучшего номера.

Смех привёл девочку в себя. Она оглянулась на толпу и заплакала. Пришлось мне заплатить за овощи и за корзину.

Иногда Бэби развлекался мелким воровством. Он не был разборчив и подбирал всё, что плохо лежало. Попадётся ему брошенная вожаком куртка — Бэби хватается куртку и всю её вместе с карманами, где лежат табак, кошелёк, перочинный нож и даже паспорт, отправляет в рот. Проходя мимо артистической уборной, он при удобном случае воровал парики, гримировальные краски, платья. Всё это он прятал в одно место — в рот.

Попробуй докажи ему, что воровать нельзя!

У КЛАСНОЙ ДОСКИ

На арене — школа. На партах, будто настоящие школьники, сидят морские львы, свиньи, слон, телёнок, ослик, пеликан, фокстерьер Пик и большой сенбернар Лорд.

Бэби — один из первых учеников. Он получает круглые пятёрки, и даже с плюсом. Особенно он силен в арифметике.

Я вызываю Бэби к доске:

— Бэби, сколько будет три и четыре?

Бэби берёт хоботом громадный кусок мела и выводит на доске семь толстых палок. Порой он писал таким размашистым, слоновьим почерком, что единицы не помещались на доске.

— Лорд, сколько не хватает единиц на доске?

И Лорд лаял ровно столько раз, сколько надо было. А пеликан, сидевший на второй скамье, шипел на весь «класс».

Я журил пеликана:

— Нельзя подсказывать... Нехорошо. Как видите, совсем как в настоящей школе. И даже книги на партах лежат.

Книги были особенные, деревянные, и ученики пере-листывали их кто как мог: свинья — пяточком, осёл — мордой, пеликан — длинным, будто ножницы, клювом, а морские львы — лапами.

Случалось, Бэби выводил на доске больше палок, чем нужно. Тогда морской лев подбегал к доске, становился на задние лапы, упирался левым ластом в доску, а правым стирал лишние единицы.

Публика аплодировала и удивлялась. Ей все это казалось чем-то вроде чуда. А тут никакого чуда нет. Я долго и терпеливо обучал зверей всем этим движениям. А некоторым вещам и учить не надо было. Так, например, сидя на арене за партой, старый пёс Лорд нередко зевал, широко раскрывая пасть. Я его этому не учил — он зевал от усталости. А я говорил:

— Лорд — плохой ученик: зевает на уроке. Надо ему поставить четыре по поведению.

И публика смеялась. Но вот урок окончен. Парты убираются, и ученик Бэби подходит к своему учителю. Я ложусь на землю. Бэби высоко поднимает ноги и осторожно переступает через меня. Публика ахает и аплодирует. Бэби быстро бежит вокруг арены и снова, ещё выше поднимая ноги, шагает через моё беспомощно раскинутое тело. Вот он стоит надо мной. Я командую:

— Алле, Бэби!

И слон медленно начинает подгибать задние ноги, становится на колени, затем подгибает передние и осторожно опускается на меня.

— Раздавит, раздавит! — кричит публика.

— Довольно!

— Ай, раздавил!..

Но Бэби и не думает меня давить. Правда, в нём примерно три тонны, и если бы он действительно лёг на меня, от учителя осталось бы мокрое место, но Бэби чувствует свой громадный вес. Как только его живот приближается ко мне, Бэби каменеет. Он напрягает все мускулы, старается удержаться в трудной позе и только тревожно гудит. По этому гудению я узнаю, что Бэби хочет поскорее окончить утомительный номер и подняться.

— Алле!

Бэби медленно поднимается, выпрямляя толстые, как колонны, ноги. В публике облегчённо вздыхают.

— Бэби, алле!

И громадный слон поднимает передние ноги. Вот он стоит на одних задних ногах, высоко подняв передние, и балансирует. А я с расплывшимися руками стою под ним. И кажется, вот-вот слон не устоит на двух ногах и тяжёлая туша рухнет на меня.

— Алле!

Я отскакиваю. Бэби ставит передние ноги на землю и с облегчением выпускает воздух через хобот. Публика аплодирует.

Я заставляю Бэби поднять хобот и открыть рот. Он послушно исполняет это. Затем я вкладываю в его рот голову и расставляю руки. Публика замирает. Бэби стоит смирно, несмотря на то, что мои волосы щекочут его скользкий язык. В такой позе я не могу крикнуть: «Алле!» Я жду, пока публика не начнёт аплодировать и кричать: «Довольно!» Иногда приходится ждать долго, но ничего не поделаешь. И когда наконец публика начинает хлопать, я вынимаю голову из пасти Бэби, и мы оба кланяемся. Надо отвечать на аплодисменты, нехорошо быть невежливым.

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС*

ГЛАВА 12

КЛЮЧ К ГОЛОВОЛОМКЕ

Друзья бросились к лазу: звук доносился из коридора. Но едва Артём опустился на четвереньки, в пещеру вбежала Василиса, и сразу за ней вошла... девчонка.

— Мальчики, вы куда? Испугались, что ли? — спросила она.

Артём что-то нечленораздельно промычал, вставая на ноги.

— Вот ещё! — соврал Олег и шагнул вперёд. — Кого? Тебя?

Действительно, какая угроза от девчонки? Светлые короткие волосы, худая, ростом с Артёма, глаза тёмно-серые, смеются.

— Хотя бы и меня. В прошлый раз вы такого стрекача дали! Как синячок? — девчонка кивнула на Олегов фонарь.

— Слушай, ты... — Артём насупился, но Олег потянул его за рукав.

— Подожди, не кипятись! Тут вопрос поинтересней: а откуда ты про прошлый раз и про синяк знаешь? Видела?

— Понятное дело, — пожала она плечами. — Мальчики! Постарайтесь ничего пока не спрашивать. А то мы тут до утра простоим. Я вам всё сама объясню. — И вдруг

*Продолжение. Начало читайте в №4 за 2019 г.

приснула: — Ну и видок у вас! — Затем развернулась, включила фонарик, указала рукой на коридор: — Пр-р-ашу в апартаменты! У меня там есть где присесть.

— Тоже мне, Хозяйка Медной горы, — буркнул Артём.

Олег подхватил на руки Василису.

— Слышь, это твоя кошка?

— Кошка? Ну-ну... Нет, не моя. — Девчонка опять засмеялась.

— Чего ты ржёшь, как лошадь? — огрызнулся Артём. — Тоже мне...продвинутая.

— Продвинутая? Вряд ли... Просто волнуюсь очень. — Ответ прозвучал неожиданно серьёзно.

— С чего бы это?

— Потом, потом!

Коридор оказался длинным. Они прошли метров двести, затем он расширился и образовал квадратный тамбур. Их провожатая дотронулась до стены. Вспыхнул слабый голубоватый свет.

— У входа я освещение не организовала, чтобы с улицы пещеру не обнаружили.

Девчонка подошла к массивной металлической двери без ручки и замочной скважины, порылась в кармане брюк, достала диск, похожий на магнитный ключ для домофона. Сжала его между указательным и большим пальцами. Что-то зашипело, и дверь медленно въехала в стену.

Девчонка вошла первой и пригласила:

— Заходите, мальчики!

Артём и Олег с Василисой на руках нерешительно вошли в большую, хорошо освещённую комнату. Снова раздалось шипение, и дверь стала на прежнее место. Меньше всего эта комната напоминала обычное жильё — округ-

лѐнные углы, светлые и, видимо, мягкие стены. Потолок светился. Мебели почти не было: диван, несколько пластиковых кресел и стол. И нечто, напоминающее компьютер. По крайней мере, у него были экран и клавиатура.

Ребята озирались по сторонам. Некоторое время девчонка не мешала. Потом указала на диван.

— Кстати, желающие могут сесть или лечь — кому как нравится. Появятся вопросы — на все отвечу, если, конечно, смогу.

Она с ногами забралась в одно из кресел возле компьютера. Олег подошёл ближе, наклонился над клавиатурой — ни одного известного значка! Вспомнилось, как тыкалась в его домашнюю клавиатуру Василиса. Усмехнулся — никакой разницы!

В комнате была ещё одна дверь — обыкновенная, с ручкой.

— А там что? — любопытствовал Артём.

— Потом узнаешь. Может быть.

Девчонка выждала ещё минуту, давая гостям осмотреться и привыкнуть, потом развернулась вместе с креслом и в упор посмотрела сначала на Олега, затем на Артёма.

— Ну, как, созрели? — Мальчишки вразнобой кивнули. Артём громко сглотнул. — Тогда прошу вопросы.

— Тебя как зовут? — произнёс Артём первое, что смог извлечь из своих растрѐпанных мыслей.

— Что ж, начнём с взаимных представлений. Хотя вас я и так знаю. А моё имя на вашем языке вряд ли воспроизводимо.

— На нашем... — повторил Олег. — Ты что, из-за границы приехала?

— Почти.

— Так как всё-таки тебя зовут? — спросил Артём.

— Олл-Туату или что-то в этом роде.

— Как-как?

— Повторяю по буквам: О-л-л-Т-у-а-т-у. Хотя это и не совсем правильно. На самом деле моё имя звучит несколько иначе. Кстати, чтобы не сломать язык, можете меня называть покороче, например, просто Олл. Я не обижусь.

— Тогда уж лучше Оля, — сказал Артём, — нормальное имя получится — Оля, Ольга.

— Не возражаю. Перейдём к вам. Вы — Олег и Артём.

— Откуда ты знаешь? — одновременно вскрикнули мальчишки.

— Знаю. Да не волнуйтесь вы так!

— Ничего себе! Притащила нас непонятно куда, как зовут — знаешь, и вдруг — «не волнуйтесь»! — Последнее слово Олег пропищал тоненьким девчачьим голоском, передразнивая Олл.

— Предположим, не я вас тащила, а вы сами сюда притащились. Впрочем, хватит выяснять отношения. Повторяю, как вас зовут, я знаю. Мне интересно, как вы зовёте её. — Олл кивнула на Василису, примостившуюся на краешке дивана.

— Кошку, что ли? — переспросил Олег. — Василиса.

— Понятно. Ничуть не хуже Оли. Вижу, сейчас вы ничего толкового спросить не сможете. Только время потеряем. Я сама всё вам расскажу, а вы решайте, что с этими знаниями делать. Идёт?

— Идёт! Ты только это... не сильно долго, — предупредил Артём. — А то уже четыре! Нам дома влететь может. Нам через полчаса возвращаться надо.

— Нет проблем. Рассказывать долго. Отвечать на вопросы — ещё дольше. Подсчитаем: час — на рассказ, час — на вопросы, минут тридцать — на охи-вздохи. Итого два часа тридцать минут.

— Какие два тридцать?! — завопил Артём. — Мы же тебе ясно сказали: полчаса и ни минутой больше!

— Помолчи, пожалуйста. — Олл повернулась вместе с креслом к клавиатуре, нажала на какие-то кнопки. — Кстати, это компьютер. Теперь главное — не пугайтесь. Будет несколько не слишком приятных секунд. Мы на нулевой уровень перейдём. Там время другое. И течёт по-другому. Здесь полчаса, а там значительно больше.

— Мы никуда не... — хотел крикнуть Олег, но у него закружилась голова, комната поплыла, но через мгновение всё прекратилось, он даже не успел испугаться и сообразить, что произошло.

— Вот и все неприятности, — спокойно сообщила Олл. — А теперь предельное внимание! От того, что вы сейчас поймёте, а чего не поймёте, зависит очень многое. Например, будем ли мы и дальше с вами работать или мне придётся стереть вашу память.

— Как это стереть? — нерешительно переспросил Артём.

— Неважно как. Главное, полностью и качественно. И вы отправитесь к папе с мамой и никогда не вспомните про пещеру и наш разговор. Ясно?

— Не совсем.

— Сейчас разберётесь. Кстати, вы ведь в седьмом классе учитесь. Так? А физика у вас есть?

— Только самое начало, — ответил Олег.

— Это не очень хорошо — меньше поймёте. Ладно, слушайте. Сначала я расскажу про элементарные факты об устройстве мира.

— Мира? — удивлённо переспросил Артём.

— Да. Не перебивай. Вселенная напоминает слоёный пирог. И в каждом слое или, как ещё говорят, уровне, действуют свои законы. Но эти уровни не рядом находятся, а как бы один в другом, хотя друг другу и не мешают. Между ними есть особый уровень. У нас его называют нулевым. Сейчас в нём мы и находимся. Это ничейная территория. Здесь никто не живёт, потому что для этого нужно много энергии. Если её перестать тратить, то сразу же выпадешь в один из обычных энергетически устойчивых уровней.

— А в обычных уровнях кто-нибудь живёт? — не удержался от вопроса Олег.

— Конечно. Например, вы. Или мы. Каждый обычный уровень имеет свои законы и свои формы жизни. Пока всё понятно?

— Понятно, — одновременно кивнули мальчики.

— Фантасты тоже про параллельные миры пишут, — добавил Олег.

— Умные люди везде есть... Так вот, почти каждый параллельный мир, если говорить по-вашему, населён живыми существами, которые ощутимо отличаются друг от друга. Не только внешне — это как раз не главное. Они отличаются теми физическими процессами, которые образуют их организмы. Ох, сложно получается, — остановилась Олл. Подумала немного, затем продолжила: — Есть существа очень плотные, как ваши камни, а есть такие, как ветер или даже солнечный свет. Всё зависит от основных физических констант каждого мира. Очень давно, миллионы лет назад, разумные жители всей Вселенной объединились для того, чтобы полнее использовать возможности своего мира и не мешать

другим заниматься тем же, и создали Содружество и Единый Координационный Совет. Туда входят представители всех уровней. Между прочим, в Совете работает моя мама! — Последнее Олл проговорила с гордостью.

— А почему на Земле о нём ничего не знают? — удивился Артём.

— Это вы так считаете. Но кое-кто знает. Много тысяч лет назад у вас на планете была высокоразвитая цивилизация.

— Атлантида! — оживился Олег. — Но это гипотеза! Считается, что она затонула во время сильного землетрясения, все жители погибли. Её до сих пор ищут... Значит, атланты всё-таки были?

— Были, были. И не просто были. Их цивилизация считалась одной из самых развитых во всей Вселенной. Атланты — лишь фрагмент древней земной цивилизации. Земля имела своих представителей в Совете. Что произошло — никто толком не понял. Но Земля начала нарушать общие законы, скрывать свои научные достижения и однажды заявила, что выходит из Содружества и будет жить без учёта общих законов. Возражать Содружество не имело права. Тем более что такого ещё никогда не случалось. И как поступать в подобных случаях, никто не знал.

После этого несколько лет за вашей планетой не наблюдали: таков был договор. За это время несколько десятков человек успели подчинить себе всю Землю. Себя, в целях личной безопасности, они не афишировали и действовали через правительства существовавших тогда держав.

К тому времени учёные объединённой лаборатории уже определили, что жителей любой планеты окружает

тончайший, невидимый глазами кокон — Единое поле планеты. Наложение полей отдельных планет формируют Единое поле человечества. Его состояние определяет практически всё — от здоровья и самочувствия до уровня творческой и политической активности. Качество самого поля зависит от состояния каждого человека.

Если население планеты живёт в мире, уважает себя и природу — поле мощное. Люди чувствуют себя счастливыми. У них рождаются здоровые и талантливые дети, которые живут долго. И жизнь у них очень интересная и разнообразная. Если появляются эгоизм, зависть, ложь — поле искажается, слабеет. Люди как бы теряют разум. Начинаются раздоры, болезни. Даже природа чахнет. Всё приходит в упадок. Но зато в таких условиях, когда погибает добро, зло начинает себя чувствовать очень даже хорошо.

Так вот, пока у нас решали, что делать, добившиеся власти алчные бесчестные люди для усиления своего влияния установили на планете особые устройства. Наши учёные называют их негативными усилителями. Усилители не влияют на добрые и гуманные мысли, потому что, как говорят физики, они работают в другом диапазоне. Зато любое зло многократно усиливается. И если до этого изобретения негативные мысли просто были незаметны в потоке добра, то после, несмотря на то, что агрессивных, эгоистичных людей не стало больше, количество зла выросло многократно. Начались болезни. Дети рождались год от года слабее и жили всё хуже и хуже. Это ещё больше озлобляло людей. Зло усиливалось. И чем дальше, тем больше нарушался баланс. Это как цепная реакция.

— А как они этот негатив усиливали? — спросил Олег.

— Поясню на примере. Вот встретился ты со своим другом Артёмом. «Ну у тебя и фонарь под глазом!» — говорит Артём. Без негативных усилителей ты ответил бы: «Ага, классный фонарь. Можно без света ночью по улицам гулять».

— Смешно! А с усилителями?

— С ними нормальное мышление отключается. Твой мозг вылавливает только негативные компоненты и доводит их до абсурда. В результате ты отвечаешь: «На себя посмотри! На такой роже фонарь не фонарь — никакой разницы». Дальше — больше. «Ах, роже? Ах, никакой разницы? Давай проверим!» Закончить такой диалог можно только войной. А во время войн правительства, тем более тайные, не свергают. Цель достигнута. Теперь понятно?

— Да уж куда яснее.

— Потом на Земле были разные катаклизмы. Цивилизация атлантов сменилась другой — вашей. Естественно, поменялась и власть. Но негативные усилители остались. И те, кто знает об их существовании, тоже. И они ими пользуются до сих пор. Не в тех масштабах, как прежде. Пока... Но современные люди уже научились ненавидеть друг друга. Войны — это ваша, не наша особенность. Зависть, лезть... Для многих они заняли место таких чувств, как любовь и дружба. Вы оказались разобщены, и потомки создателей усилителей теперь нередко подчиняют вас своей воле.

— Ничего себе, — задумчиво, еле слышно прошептал Олег. Потом в упор глянул на Олл и вопрос задал совершенно другим голосом — громко и жёстко: — Ты знаешь, где эти усилители? Они должны быть уничтожены!

— Если бы всё было так просто... Это несколько очень мощных устройств. Они установлены глубоко под землёй, в специально рассчитанных точках. Но влияют сразу на всю планету. Причём нарушение работы одного из них должно вызвать полное отключение всех остальных.

— Где они? — настойчиво повторил Артём. Олег напряжённо молчал.

— Одно находится под нами.

— Под землёй, что ли?

— Ну, сейчас-то мы на нулевом уровне. Я имею в виду ваш слой. Устройство почти под пещерой. Другие установлены в обеих Америках, Африке, Азии, на некоторых островах. Это целая хорошо продуманная сеть. Над некоторыми впоследствии земляне построили компенсаторные сооружения, которые значительно ослабили влияние усилителей. В большинстве случаев это пирамиды.

— У нас здесь тоже недавно пирамиды обнаружили, — вспомнил Артём. — Я в газете читал. И по радио говорили. Их даже изучать хотели, но как-то всё рассосалось. Денег, наверное, не хватило.

— А почему мы свой усилитель не чувствуем? — спросил Олег.

— Я уже говорила, вы меня, наверное, не очень хорошо поняли. Одно, без остальных, устройство не ощущается. Необходима одновременная работа всех. Тогда проявляется такое явление, как пространственный резонанс. Он и влияет на Землю, а отдельный усилитель чувствуется, только если подойти к нему вплотную.

— Вот гады! — не сдержался Артём. — Всем напакостили! Но я всё же не понимаю, как могут усиливаться именно злые мысли? Как они выделяются из остальных?

— Частоты у мыслей разные. Усилитель отбирает только те частоты, которые соответствуют негативным мыслям и эмоциям. Понятно? Хотя бы в общем?

— Понятно.

— Очень хорошо. Этого вполне достаточно. Кроме усиления происходит ещё и изменение качества мыслей. Ведь недобрые мысли есть у каждого человека. Например, когда ты голоден или тебе чего-нибудь хочется, а этого нет. Смотри, Артём, если у меня есть компьютер, а у тебя его нет, что ты думаешь?

— Думаю, что хорошо бы занять такой же или даже получше!

— Правильно, — согласилась Олл. — А если твою мысль изменить и усилить, то может получиться: «У тебя всё есть, хотя ты этого и не заслуживаешь. Ты мерзкая девчонка. Будет только справедливо, если тебе хорошенько врезать, а компьютер забрать себе. Он мне нужнее, и вообще я лучше, чем ты. И чем все». Понятно?

— Это зависть, — сказал Артём.

— То есть ты хочешь сказать, что устройства отлавливают самые плохие мысли и делают их ещё хуже, но люди при этом считают себя правыми? — уточнил Олег.

— В точку попал. Самое плохое в том, что те, на кого действуют усилители, не могут признать себя неправыми. Они не могут посмотреть на себя другими глазами, со стороны. И каждый считает свою персону ценнее других. О последствиях мы уже говорили.

— А можно эти усилители отключить? — помедлив, осторожно, словно боясь услышать отрицательный ответ, спросил Олег.

— Достаточно отключить одно устройство. Остальные без него работать не смогут.

— С этим почти всё ясно. А как погибли атланты? — спросил Артём.

— Какой-то неудачный эксперимент. Он вызвал сильнейшие землетрясения по всей планете. Когда прибыли наши наблюдатели, было уже поздно. Потом человечество развивалось своим путём, а через некоторое время Содружеству стало известно, что сохранилась тайная организация, которая охраняет усилители и мечтает захватить полную власть на планете. Их мы называем охранниками.

— Почему вы нам не помогли?! Почему допустили?! — набросился Олег на Олл. — Вы же знали, что всё это делали не все земляне, а кучка ненормальных! Тогда чем вы лучше их?

— Не говори глупости! — возмутилась Олл. — Ты ничего не знаешь! Существует Закон. И если мы пообещали, что не будем вмешиваться, то мы обязаны его соблюдать. Законы не отменяют по желанию. Тогда это уже не законы, и верить им нельзя. Понял?

— И всё же! — не унимался Олег.

— После гибели Атлантиды Совет посчитал нужным создать на Земле станцию наблюдения — эту самую базу, где мы сейчас находимся. Эти усилители никому не давали спокойно жить.

— Уточни, почему?

— Я уже говорила: Вселенная, все её уровни — единый организм с единым полем. Поэтому взаимовлияние цивилизаций сильнейшее. За все эти годы на Земле погибло около сотни наблюдателей из разных миров Содружества. Мы нигде столько не теряли! Чтобы не прозевать главного, наблюдатели вынуждены были на-

ходиться в самых опасных местах, будь то война или научный эксперимент.

— А что главное?

— Когда вы станете необратимой угрозой Содружеству! Про это не сильно-то распространяются, но я однажды слышала мамин разговор с кем-то из членов Совета. Она сказала, что, несмотря на строжайшие запреты, наблюдатели всё же вмешивались в ваши дела. По личной инициативе или несдержанности, называй, как хочешь. И что ваша Земля — самая большая загадка во всей Вселенной, потому что ни одна цивилизация не смогла бы сохраниться, если бы постоянно подвергалась действию усилителей. А вы не только сохранились до сих пор, но и не потеряли способности дружить, любить, создавать произведения искусства.

— Так может, для нас ничего страшного и нет? — с надеждой спросил Олег. — Может, это наши особенности?

— К сожалению...— Олл замялась. — Вы вполне адаптировались к вашим местным условиям. Особенно со времени вашей последней мировой войны. Некоторые земляне не уступают в гуманности любому представителю Содружества. Но хранители усилителей поняли, что ситуация выходит из-под контроля. Недавно Совету стало известно, что готовится переключение усилителей на новый, более мощный режим. В ответ у нас был разработан план всего из двух последовательных пунктов: первый — осуществить вмешательство силами жителей самой Земли и отключить усилители навсегда; второй — при неудаче исполнения первого объявить Землю закрытой зоной, установить строжайший контроль за поведением землян, а саму планету накрыть особым непроницаемым энергетическим экраном.

— Каким экраном? Можно поподробнее? — насторожился Олег.

— Земля сейчас излучает много негативной энергии и нарушает равновесие во Вселенной. Это чувствуют на себе все обитаемые миры. Если усилители перейдут на новый режим, Земля захлебнётся злом. Всё доброе будет уничтожено. Ваша планета станет ужасной раной на теле Вселенной, и её придётся изолировать.

— Как зоопарк какой-то, — недовольно пробормотал Артём.

— Подожди, — остановил друга Олег. — Есть вопрос: какой из двух пунктов вашего плана реализуется сейчас?

— Сначала пытались идти по первому. Попробовали использовать роботов. Но ничего не получилось: охранные устройства усилителей оказались настроены на излучение живого существа. Землянина. Тогда стали изучать людей, чтобы найти тех, кто смог бы отключить усилитель. Но при исследовании выяснилось, что сделать это может не каждый землянин, а только тот, у кого почти нет эгоистичных мыслей или намерений. Нет и никогда не было.

— Таких не существует, — с сомнением покачал головой Артём.

— Вот видишь! Наши психологи вывели специальный коэффициент, показывающий уровень гуманной сущности человека — КГСЧ. К усилителю может подойти только землянин с коэффициентом не ниже восьми. Чтобы найти такого, за несколько последних лет дистанционно протестировали невероятное количество людей. И безрезультатно. Стало ясно, что найти нужного исполнителя невозможно. Поэтому базу перевели в бессрочный

режим ожидания и приготовились к реализации второго пункта. Но... — Олл замялась.

— Продолжай! Не верю, что выхода нет! — крикнул Олег.

— Однажды я услышала разговор мамы с кем-то из сотрудников. Тот просил подождать с закрытием базы. Мама ему ответила: «Земля — это огромная потеря. Но мы не смогли найти у них ни одного взрослого человека, способного отключить усилители. К сожалению, святых на этой планете нет». Я запомнила эти слова, что-то в них мне показалось важным. Потом догадалась: мама сказала «ни одного взрослого человека». А не взрослого? Никто не подумал про детей?

— Наверное, свойство всех взрослых во Вселенной — считать себя людьми, а нас — непонятно кем. — Артём нарисовал в воздухе большой вопросительный знак. — Только и слышишь: «ты же ребёнок», «ты же ребёнок». Прямо жеребёнок какой-то получается.

— Я попыталась маме рассказать об этом, но она посоветовала не совать нос не в свои дела. И я... В общем, я сбежала.

— Здорово! Молодец!

— Оставила дома сообщение, чтобы не волновались. Но, думаю, меня уже по всем мирам ищут.

— А здесь тебя не найдут?

— Сложно. Кто ж догадается? Земля уже закрыта. У нас все дети в основном на Океанию бегут. Это заповедник такой. Морской. Там, скорее всего, и ищут.

— А откуда ты знаешь наш язык?

— Проще простого. Существуют технологии закачки. Знания передаются всего за несколько минут. Подключился к системе, глаза закрыл-открыл — и уже всё, что

тебе нужно, знаешь. Сложнее с трансформацией. Это неприятно. Когда из одного мира в другой перемещаешься, то сохраняется неизменной только основа твоей личности, то, что у вас называется словом «душа». А физическая основа, то есть тело, в различных мирах будет разной.

— Почему? Наши фантасты своих героев обычно целиком телепортируют.

— Я же говорила, что в каждом слое Вселенной действуют свои физические законы. Если взять живой объект с моей планеты, которая находится в параллельном вам слое, и поместить без трансформации на Землю, он тут же разрушится. Если ты хочешь переместиться на планету параллельного мира, тело подбирается так, чтобы оно наиболее соответствовало твоей «душе» и было обычным для той планеты, куда ты перемещаешься. Понятно?

— Не знаю, — признался Олег, — вроде бы, пока тебя слушаю, понятно, а вроде бы... Сложно очень.

— А ты у себя на планете какая? — спросил Артём.

— Другая. Хотя чем-то похожа на то, что вы видите сейчас.

— Значит, по-настоящему ты не девочка?

— Девочка. Но не земная, — улыбнулась Олл. — Мальчики, мы отклонились от основной темы. Я на базе всего несколько дней. Когда сюда прибыла, обнаружила, что после её закрытия кто-то, кроме меня, тут уже поработал. Потом мы познакомились. Она оказалась тоже девочкой, только с планеты Шши другой параллели.

— Где она?

— Здесь.

Друзья закрутили головами, пытаюсь обнаружить в комнате незамеченного ими человека.

— Шутишь? — неуверенно спросил Артём.

— И не думала. Это Вилисса. Или, как вы её называете, Василиса.

— Кошка? — Брови Олега поползли вверх. — Кошка — девчонка?

— Да, девчонка. Представляете, мы независимо пришли к одному выводу, правда, Вилисса немного раньше. И тоже сбежала из дома, чтобы найти на Земле человека, который смог бы отключить усилители! Но ей дважды не повезло. Вилисса живёт на планете, где люди — бестелесные сгустки энергии. Поэтому, когда она переместилась на Землю, единственным живым существом вашей планеты, которое по своим свойствам подошло бы для её личности, оказалась кошка — маленькая, с хорошо развитой чувствительностью. По какой-то причине только белая.

Это очень неудобно. Кошки не имеют возможности говорить. И лапы у них неловкие. С руками точно уж не сравнить. Вилисса надеялась на «Переводчика». Это устройство может преобразовывать языки любых слоёв Вселенной. Но «Переводчика» здесь не оказалось. Наверное, из-за демонтажа.

Вилисса вздохнула и совершенно по-человечьи покачала головой.

— Олл, а откуда ты всё это знаешь, если она говорить не может? — подозрительно спросил Артём.

— Я её мысли чуть-чуть слышу. Наиболее простые. И с помощью компьютера кое-что удалось узнать. Вилиссе хоть и неудобно, но несколько слов лапами она на клавиатуре натыкала. Ещё до моего появления Вилисса

успела сделать самое главное: нашла человека, который способен войти в зону усилителя и отключить его навсегда.

— Кто этот человек? — Оба мальчика подались вперёд.

Олл помедлила, затем в упор посмотрела на Олега:

— Это ты!

— Я?! — От растерянности он засмеялся. — Я смогу войти в камеру с негативным усилителем? Вы чего, обалдели обе? Я учусь плохо, не совсем, но всё же... Я родителям неправду говорю! Иногда...

— Идеальных людей не бывает. Тем не менее Вилисса тебя отыскала и стала охранять, надеясь в будущем что-нибудь придумать, чтобы с тобой поговорить.

— Охранять? Поэтому она за мной везде ходит? А я думал, что она просто прилипчивая кошка. Ой, не кошка. Нет, кошка, конечно, но...

— Олег, — догадался Артём, — значит, она на тебя сегодня специально прыгнула, чтобы от обвала спасти!

— А что произошло? — забеспокоилась Олл. — Расскажите!

— На меня сегодня на турслёте свалилась высокая каменная стенка. Вернее, должна была свалиться, но Вилисса вцепилась мне в щёку, я упал и остался жив.

— Плохо, — расстроилась Олл. — Похоже, что они тебя выследили и теперь пытаются уничтожить.

— Кто они?

— Те, кто собирается переключить усилители.

— Как?! Я сам до сегодняшнего дня понятия не имел ни про их поганые усилители, ни про ваш Совет и базу, ни даже про себя.

— Ничего нельзя сохранить в полной тайне. Каждая мысль доступна любому живому существу во Вселен-

ной, просто нужно уметь её услышать. Кто-то, как Виллисса, может воспринимать мысли непосредственно. Другие создают для этого технику. Судя по всему, здесь, на Земле, техника примитивная, раз они так долго не могли на тебя настроиться. А может, просто выжидали. И всё же... И всё же теперь ты в опасности. Поэтому нужно спешить.

— Всё это понятно. Только я уверен, что вы ошиблись. Насчёт меня.

— Нет, не ошиблись, — решительно возразила Олл. — Когда вы с Артёмом проходили через защиту в тоннеле — «Страх» называется, я систему подключила и ещё раз вас обследовала. Более подробно, чем при первоначальном поиске.

— И что там тебе твои приборы показали? — спросил заинтригованный Артём.

— Обычно у нормального взрослого человека коэффициент пляшет около пяти. Средненько. Такой человек усилитель не отключит. Привычные негативные мысли не дадут. Рядом с усилителем их мощность возрастёт многократно и они заглушат любой здравый смысл. Чтобы выдержать действие усилителя, нужно иметь коэффициент восемь.

— А у Олега какой? — спросил Артём. — У него восемь?

— Нет, — покачала головой Олл.

— Вот видишь! Я же говорил! — воскликнул Олег.

— У тебя, Олег, не восемь. У тебя — девятка!

— Ну ничего себе! А у Артёма?

— Тоже высоко, хотя недостаточно — семь.

Олег задумался, пытаясь собрать воедино всё, что свалилось сегодня на его голову. Артём тоже молчал:

слишком уж невероятные события произошли с ними за последние несколько часов.

— вспомнил! — Олег стукнул себя по лбу и поморщился от боли: забыл о синяке. — Вилисса, так это из-за тебя я всё время один и тот же сон вижу? Про Землю?

Кошка мяукнула и кивнула.

— Какой сон? — спросил Артём. — Ты мне не рассказывал.

— Значения не придавал. Я Землю во сне спасал от какого-то липкого чёрного пятна. Вилисса, пятно — это зло?

Кошка снова кивнула.

— Видишь, — заметила Олл, — ночью, когда ты не используешь свой мозг, Вилиссе удалось с тобой связаться без помощи «Переводчика».

— Ну и давайте эти усилители поскорее отключим. Я готов!

— Не торопись. Есть несколько «но». Во-первых, усилители охраняются. Сегодня на тебя обрушили стенку. Что будет завтра? Пока мы не узнаем, от кого исходит опасность, идти к усилителям нежелательно. Вторая проблема, более серьёзная, обозначилась только здесь, на базе, во время измерения коэффициентов и физических параметров землян. Чтобы отключить усилители, одной восьмёрки мало. Нужно, чтобы организм человека был сильным энергетически, а значит, это должен быть только взрослый человек!

— Какой-то замкнутый круг! — развёл руками Артём. — Взрослый не может войти, потому что у него коэффициент маленький, зато энергии много. А ребёнок имеет большой коэффициент, а энергии...

— Ничего, я как-нибудь! — отмахнулся Олег.

— «Как-нибудь» не получится. Ты погибнешь без толку, и всё. Замены нет. Как поступить, я пока не знаю. А ты, Вилисса?

Кошка сердито ударила хвостом и утвердительно помотала головой.

— Знаешь?! Как же с тобой поговорить? — воскликнула Олл.

— Позвольте, я скажу? — Артём, как на уроке, поднял руку. — Чтобы не терять время, надо придумать план наших дальнейших действий и начать его выполнять. А по ходу сообразим, как поговорить с Вилиссой. Для начала найдём людей, которые охраняют усилители. Я думаю, что видел одного из них, когда тот убивал кошек.

— Ну-ка, поподробнее, — заинтересовалась Олл.

— Я недавно гулял в тумане и заметил человека, который целился какой-то штуковиной в белую кошку, — повернувшись к Олл, начал рассказывать Артём. — Потом я других мёртвых белых кошек находил. И с Олегом мы подружились, потому что он этим заинтересовался.

— Кстати, генератор, которым кошек убивали, у нас, — добавил Олег. — Этот человек его потерял. А мы его в пещере зарыли, совсем недалеко.

— Он кости разрушает. Олл, может, знаешь, что это за оружие? — спросил Артём.

— Нет. У нас давно смертельного не делают. Из-за ненужности.

— А несмертельное?

— Такое есть, конечно. С дикими животными справиться, если они нападают. Потом — дальняя космическая разведка... Мальчики, оружие хорошо бы поскорее забрать из пещеры и оставить на базе. Так безопаснее.

— Я вот о чём подумал, — сказал Артём. — Этого человека нужно у нас в школе поискать. Смотрите, оба случая с ней связаны: рухнувшая стена, разброшенные в раздевалке вещи. И потом, если за тобой следить, это лучше всего делать в школе! Ты там полдня проводишь.

— Логично, — согласилась Олл, Вилисса мяукнула. — Тогда слушайте моё предложение. Первое. Мы с Олегом и Артёмом перемещаемся ко мне домой, берём «Переводчик» для Вилиссы, кое-какое оборудование и обмундирование, чтобы войти в усилительный отсек. Второе. Вилисса говорит, как Олегу там продержаться. Третье. Вилисса идёт с вами в школу и пробует выяснить, у кого повышен интерес к Олегу. Четвёртое. Мы организуем его охрану. Отключаем усилители. Всё!

— Олл, а сколько у нас на это времени? — спросил Олег.

— Мало. Нисколько. Я думаю, всего несколько дней. Во всяком случае, не больше недели. Не забывайте, что нас ищут не только новые хозяева усилителей, но и родители — мои и Вилиссины. Так что времени действительно в обрез.

При слове «время» Артём быстро взглянул на часы.

— Уже шесть! Ну и влетит же нам!

— Не влетит. Мы на нулевом уровне. Сейчас по-вашему половина пятого, а не шесть. Всего лишь. Основное мы обсудили. Так что можем возвращаться.

Прощаясь, Олл достала два чёрных диска.

— У вас должны быть ключи от базы. Перед тем, как полезете в пещеру, эту штуку нужно просто зажать в руке. Тогда защита отключится. Двери открываются так же.

— Олл, я хотел у тебя спросить... — Олег замялся, повертел в руках ключ. — Лаз — это единственный вход на базу? Какой-то он... странноватый.

— Конечно, не единственный. Здесь, насколько я знаю, вообще ничего такого не предполагалось. Базу строили глубоко под землёй. Потом, не так давно, здесь прокладывали дорогу и срыли часть склона. И постройки почти вышли на поверхность. Часть тоннеля обвалилась, получилась дыра. Потом базу демонтировали. В спешке про лаз забыли. Кому-то за это должно жутко влететь. Но нам с Вилиссой повезло. Отсюда дорога короче.

— Хорошо, что в пещеру полезли мы с Олегом, — с укором заметил Артём. — Могли и кто похуже сунуться. Те же хозяева и охранники усилителей.

— Этим сюда не войти. Кроме известной вам защиты здесь имеется и кое-что помощнее. Причём действует избирательно.

— А зачем им сюда соваться? — задумчиво проговорил Олег. — Если они вот-вот свои усилители переключат... и станут на Земле полными хозяевами. А ваши наблюдатели с нашей планеты уже ушли.

— Ты прав, абсолютно прав. Поэтому мы и должны спешить. Сейчас охранники слишком наглеть не станут. Им не выгодно привлекать к себе внимание. Все действия пока будут маскироваться под несчастный случай. Но чем ближе к решающему моменту, тем, сами понимаете...

— Да уж, понимаем.

— Вилисса, ты сейчас с Олегом пойдёшь? — спросила Олл кошку. Та кивнула.

Олег нерешительно потоптался, присел, тронул её рукой.

— Вилисса, ты это... Ну, в общем, тебя как, на руки можно брать? Или это неприятно?

— Бери, — ответила за Вилиссу Олл. — Приятно, не приятно... Что за чушь? На руках она и заметна меньше, и передвигаться вы сможете свободнее.

Олег вздохнул, поднял кошку, кивнул Артёму, и они втроём пошли к выходу.

— Ребята! — окликнула их Олл. — Будьте осторожны! До завтра!

Продолжение читайте в следующем номере

НАШИ ТАНКИ В ГОНДУРАСЕ

ДНЕВНИКОВЫЕ ОБРЫВКИ ПАМЯТИ С ЛИРИЧЕСКИМИ ОТСТУПЛЕНИЯМИ

Условные обозначения:

*** — слезы.

L — лирические отступления.

Юрка считал лифт источником достоверной информации. Из него всегда можно узнать, что Цой жив, спецназ рулит, а Танька дура... В свои 18 книг он почти не читал. Юноша был моим соседом и местным дворовым хулиганом с добрыми глазами и чутким сердцем. Мне было 12, и я его боялась...

Как-то раз, возвращаясь из школы, я встретила в подъезде Юрку. Парень как замороженный таращился на обшарпанную стену. Какой-то шутник написал на стене яркой краской ироничную фразу «Наши танки в Гондурасе». Неровные буквы скакали вкривь и вкось и вызывали невольную улыбку, но только не у Юры. Он смотрел и как будто не понимал написанное.

«Интересно, какое из четырёх слов ему непонятно?» — подумала я, стоя за спиной.

— А Гондурас — это где? — спросил молодой хулиган меня — испуганного ребёнка.

— Я знаю! — почти по-школьному, звонким голосом крикнула я. — Пойдём, покажу.

Возможно, парень подумал, что Гондурас — это где-то совсем близко, и как будто под гипнозом зашагал за мной по лестнице к моим небесам — на последний этаж.

Открывшая дверь мама раскрыла рот... Маленькая дочь привела домой вполне взрослого мужчину... Зачем? История умалчивает о реакции папы на подобное безобразие... С решимостью и выражением лица Христофора Колумба, если таковое отмечено в мировой истории, я проводила гостя в свою комнату. Расстелила на полу огромное бумажное полотно географической карты мира, вручила парню лупу и скомандовала:

— Ищи!

И вот мы с Юркой целых полчаса ползали по карте, как мыши, искали заветное место. На деле, Гондурас оказался маленьким пятнышком где-то в районе Центральной Америки. Найдя желаемое, мой случайный первооткрыватель, видимо, был разочарован. В эту минуту он был похож на человека, которого обокрали, а тот даже не понял как...

«А что он хотел увидеть? — подумала я. — Огромные территории неизвестной страны в пределах моей комнаты, по которой, как усталые черепахи, катятся советские танки?»

Чтобы хоть как-то выправить положение, я сунула Юрке книгу «Мир и человек», в которой была информация обо всех странах: климат, население, животные, растения и всё то, что может быть интересно детям.

Он жадно листал страницы, пока не нашёл желаемую страну. И началось... Парень читал скудную информацию, а я не могла понять, как человек, не любящий книги, может так красиво и выразительно читать. Я заслу-

шалась и уплыла в далёкие фантазийные пучины. Меня привела в чувства неожиданно свалившаяся с полки книга, которую Юрка так ловко поймал и уберёг от унижительного книгопадения. Мой книгоспасатель спешно засобирался домой.

— Приходи завтра. Почитаем, — жалобно пропищала я.

Он ушёл, а я погрузилась в воспоминания о когда-то спасённой мной книге...

L — Мой дед любил читать. Но курить он любил больше. Огород был засажен отборным табаком, а запах махорки, как визитная карточка сурового взрывника, окутывал все вокруг. Однажды на моих глазах дед вырвал страницу книги, чтобы свернуть очередную папироску. Я почувствовала невыносимую боль, мне почудились капли «бумажной» крови на месте вырванной страницы. Я отвернулась и тихо заревела

И что было делать? Ночью, с решимостью защитника униженных и оскорблённых, я нещадно уничтожала весь табак в огороде, пока не осталось ни одного кустика. Потом ещё долго мои руки пахли терпкой курительностью.

А утром случилась молчаливая коррида. Мы стояли и смотрели друг на друга в упор. Он пытался удержать свою злость и не сорваться на крик, а я пряталась за воображаемый щит справедливости. Дед не разговаривал со мной неделю, и это было невыносимо. После мама привезла ему газетную серую бумагу, чтобы дед больше не пускал страницы умных книг на самокрутки.

Юрка стал часто бывать в моём доме. Мы читали вслух книги, пытаясь найти хоть что-то про загадочный Гондурас. Я откровенно врала, придумывая якобы достоверные факты, и убедительно повествовала о них ничего не подозревающему юноше. Говорила о морских пиратах, живших на территории таинственной страны, о ненайденных сокровищах и причудливых легендах. А он верил. Ему хотелось верить. А мне хотелось, чтобы он читал мне вслух. Каждый из нас лелеял свою иллюзию.

L — В моём доме всегда было много книг. Их покупали, дарили, обменивали на макулатуру, снова покупали и снова дарили. Фенимор Купер, Майн Рид, Михаил Зощенко, Александр Дюма, Агата Кристи, Михаил Булгаков, Пушкин, Пастернак, английские готические романы времён Викторианской эпохи, французские литературные сказки и ещё много, много всего.

Ладони книжных полок бережно хранили секреты своих подопечных. Ночью, когда весь дом засыпал, книги начинали сплетничать, как старушки на лавке. Я выходила и пыталась надышаться запахом книжных страниц, расслышать их тайны и коварные замыслы.

Порой воображаемый книжный шёпот становился настолько громким, что начинала кружиться голова. Тогда я брала интересующую меня книжку, которую обязательно обещала себе прочесть, и шла спать. Я спала не с куклами, как все нормальные дети, а с книгами, надеясь во сне стать частью их причудливого мира.

Юрка стал брать у меня книги домой. Я даже завела что-то наподобие библиотечного формуляра. Читал ли он эти самые книги? Не знаю, но мне приятно было делиться с ним тем, что я любила больше всего.

У обаятельного хулигана была своя жизнь: он пел песни под гитару, дружил с молоденькими барышнями, чинил с пацанами старые машины и дрался с ребятами соседнего двора. Завидев меня, плетущуюся из школы с тяжёлым портфелем, он ловко забрасывал его на мой последний этаж, дёргал меня за косички и возвращал прочитанную книгу.

Он представлялся мне моим личным рыцарем. Я делилась с ним секретами и брала с него слово, что он их не разболтает. Однажды рассказала ему, что хочу выкрасить волосы в жёлтый цвет, что я — последователь племени солнечных клоунов, которые поют песни и летят в небо на весёлых качелях. Я даже рассказала, как буду красить волосы. А юноша в воспитательных целях разболтал всё моей маме, и та пресекла сумасбродное начинание ещё на стадии идеи.

Я обиделась на Юрку и перестала с ним разговаривать. Он пытался во дворе угощать меня конфетами, а я была строга и непреклонна в своей обиде. Хулиган сказал кодовую фразу: «Пойдём читать книжки», — и от обиды не осталось и следа. А в спину нам летело пресловутое «тили-тили-тесто»...

Л — В моей короткой детской жизни было несколько этапов профессионального самоопределения. В три года я мечтала рисовать полоски на дороге. В пять — хотела быть пожарным, потому как серые

советские будни яркостью не баловали, а пожарным нужно было носить яркие оранжевые костюмы. В шесть — была уверена, что буду работать нажимателем кнопки кассового аппарата, поскольку одна сердобольная тётя в магазине разрешила мне это попробовать.

А в девять я сочла всё это не серьёзным и решила работать продавцом в книжном магазине. Моя книжная лавка представлялась мне комфортным местом для меня и пугающим всех моих посетителей. Двери покупателям в ней открывал старый гном в чёрном цилиндре. Книги лежали на расшатанных скрипучих полках в объятиях многовековой пыли (видимо, я не собиралась снизойти до банальной уборки).

В моём жутком магазинчике слышались странные звуки и ощущались терпкие запахи необъяснимого страха. Посетители должны были разговаривать вполголоса и уважительно обращаться с книгами. Потому что они — живые...

Однажды Юра пришел ко мне с подарком. Это была красивая книга Роберта Льюиса Стивенсона «Остров сокровищ» — тяжёлая, с лощёными глянцевыми страницами и яркими рисунками. Я обрадовалась и удивилась. Открыв книгу, я нашла знакомую надпись, начарапанную простым карандашом, — «Наши танки в Гондурасе 1993».

— Пойдём скорей читать!

— Не могу. Дела.

— А завтра придёшь?

Он отвернулся, чтобы не смотреть на меня, и ответил:

— Приду.

А на следующий день я узнала, что моего доброго рыцаря забрали в армию. «Остров сокровищ» я читала сама. Мне тяжело давалось чтение этой книги. Детская душа не могла справиться с гнетущим ощущением. Я по нему скучала. Перестала слушать ночную болтовню книг и начала вести дневник. А через полгода пришло известие о гибели Юры в горячей точке.

L — Я не помню, как стащила у мамы краску, оставшуюся после ремонта. И ночью в слезах нещадно закрашивала ненавистную фразу на стене подъезда. Мне казалось, это она виновата в смерти рыцаря.

Солёные слезы капали в банку и разбавляли грустью белизну моего детского траура. Всю ночь я провела на ступеньках лестницы, и только под утро, спохватившись, папа привёл меня домой. Оказалось, я отравилась парами краски и трое суток пролежала с высокой температурой.

Перед глазами стояло жуткое белое летаргическое существование — всё белое: тетрадь на столе, рулоны снежных дорог, листок, стремительно худеющего календаря, потолок с его морщинами и трещинами, шторы. До боли, до хрипоты хочется кричать, в надежде на то, что звук вгонит в краску все это белое безумие, но — вырывался лишь шёпот, ненужный, и — белый.

Из дневника 12-летней девочки.

Мама купила конфеты — дорогие, редкие, вкусные. Их было не достать, а она умудрилась купить. По-

просила поделить поровну. Я разделила: маме, папе, старшему брату, младшему братишке, себе, Юрке... Я обещала маме не красить волосы в жёлтый цвет, а она мне вечерами вышивала рубашку. Мы грустили, каждый о своём. Цветные нитки путались, и мысли в голове — тоже... Юрка говорил, что я плохой капитан, все мои бумажные корабли тонут в первой попавшейся луже...

Январский день. Разбилась чашка.
— На счастье! — говорит мамуля.
И вышивает мне рубашку.

Когда затихнет шумный улей:
Детей, сестер, друзей, соседей.
И спят усталые медведи,
Цветочки, мотыльки, букашки —
Все на моей рубашке.

Летели годы... Я уже давно стала взрослой. Всё так же много читаю, теперь пишу книги сама, бережно храню подаренный мне «Остров сокровищ» и иногда плачу январскими холодными вечерами, вспоминая хулигана Юрку.

Я перестала слышать шепот книг, оставив этот уникальный дар в своем детстве, на палубе бумажного кораблика...

L — Часто во сне или в минуты задумчивости я вижу девушку, в ясную погоду сидящую на скамейке в платье наизнанку, испачканном каплями белой краски. В её руках детская книжка и кусочек белого мела. Она

пишет на асфальте ироничную фразу — «Наши танки в Гондурасе...»

— Кто ты?

То ли моя память... То ли моя юность... То ли моя грусть...

ПРАКТИКУМ ЭСПЕРАНТИСТА

Анатолий Масенко

REMEMORU JENAJN VORTOJN

ĜZ
R

arbusto — куст, кустарник; baki — печь, bulo — комок, herko — гроб, destino — предназначение, digno — достоинство, честь; flosi — плыть, сплавлять (о лесе); frandi — лакомиться, kadavro — труп, karesi — ласкать, karitato — милосердие, kawi — прятать, скрывать; lano — шерсть, mono — деньги, salivo — слюна, svingi — махать, вилять (хвостом); tegmento — крыша, кров; vehiklo — средство передвижения.

Paulo Sergio Viana (Brazilo)

LA NEFORGESEBLA MIOZOTO

Floroj estas poeziaj krea[oj] en la naturo. Inter ili unu el plej bela estas miozoto. Jen estas du lirikaj fabeloj pri ĝi.

La unua fabelo estas konata en Brazilo. Ĝi tekstas, ke unu tagon Nia Sinjorino iris renkonte al Jesuo kaj pawis tra kampo, kovrita de etaj, blankaj floretoj. Ŝi haltis por rigardi ilin kaj tion faris kun granda amo. El ŝiaj xielkoloraj okuloj falis larmoj de sopiro pri ŝia

Filo. La larmoj de Maria disfalis sur la florojn, kaj xi tiuj alprenis la bluan koloron por xiam.

Lay alia fabelo, kiu devenis de Germanujo, du gefianxoj promenis apud la bordo de rivero Danubo. Subite ili vidis xiele bluan floretan, kiu floris sur la akvo. La junulino komplete bedayris xian destinon. La fianxo do decidis kapti xian, sed falis en la torenton. Per ekstrema klopodo li prenigis la floran kaj [etis al sia fianxino. Kaj samtempe li kriis: "Ne forgesu min!" Pro tio en pluraj lingvoj tiu frazo estas alia nomo de miozoto. Ankay en Esperanto estas uzata la kurioza vorto "neforgesumino".

La vorto "miozoto" tamen devenas el la greka lingvo, en kiu la vorto "muos" signifas "rato", kaj la vorto "otos" signifas "orelon". En Helenujo miozoto estas konata kiel "orelo de rato". Qi kreskas prefere en malsekaj lokoj, kiel bordoj de riveroj. Ekzistas pli ol 50 specoj de miozotoj.

Miozoto simbolas veran amon, fidelecon, resopiron, karitaton kaj fratecon.

Lilli Promet (Estonio)

MORTO DE HUNDO

Tio okazis dum malfacilaj krizaj jaroj.

Inter la altaj urbaj domoj estis ankay unu pli malalta kaj ligna domo, kaj en qia subtegmeta xambro loqis poeto.

En li estis nenio rimarkinda, xar li ankoray vivis kaj ne estis mortinta.

Li ne komprenis la komplikan sistemon de la moncirculado, kaj tial en liaj powoj plej ofte mankis sonoranta mono. Li estis xiam sola, sidante antay la fenestro li watis elrigardi kaj qojis pri xio, kion li tie vidis. Li vidis sur la korto multe da infanoj, sed precipe plaxis al li malgranda beleta Eva, kiu ricevis por la naskiqtago hundon, blankan wpicon kun nigraj okuloj.

Qi estis amika kaj ludema hundido, kaj Eva dum tutaj tagoj petolis kun qi. Preterpasantoj haltis por ame rigardi la strangan lanbulon, ili volis qin propramane karesi kaj demandis pri qia nomo.

— Pitsu, — diris la knabino.

Tio estis printempe. Qis la aytuno Pitsu pligrandiqis, kaj la malgranda Eva promenigis qin je rimeno. Qi ne plu svingis la voston al xiu renkontanto kaj iqis multe pli digna. Kaj xiuj diris, ke qi estas eksterordinare saqa hundo.

Qi dormis en malgranda, por qi mendita lito kaj havis xiutage alikoloran banton. La malgranda Eva nutris qin per bombonoj kaj baka[oj, kaj unu fojon xiutage wi kun Pitsu vizitis viandvendejon por axeti al la hundo kolbason.

Ne xiam Pitsu havis bonan apetiton, kaj tiam qi kawis la kolbason en la tero por alian fojon, lay neceso, qin elterigi. sed xar qi neniam sentis malsaton, forgesiqis xiuj kawlokoj, novaj kaj malnovaj, kaj la kolbasoj restis en la tero.

Xiam, kiam la poeto vidis el sia fenestro, kiel Pitsu enterigas kolbason, salivo plenigis lian buwon, kaj tiam li foriris de la fenestro.

Kun alveno de somero la malgranda Eva ludis plejparte sola en la korto, xar Pitsu ne watis kuri kun wi, sed kuwis spiregante en la ombro de densa arbusto, la nazo sur la piedoj. Sed qi estis frandema kiel antaye kaj venis kun Eva en la viandvendejon.

Dum la somero Pitsu dikiqis kaj maldiligentiqis, dormis multe, kaj se qi ex ne dormis, qi senxese oscedis. Qi ne emis plu multe iri, sed preferis kuwi dum tutaj tagoj sur la fenestrobreto sur silka kuseno kaj rigardadi la homojn, kiuj preterpawis sur la strato.

Aytune kaj dum la tuta vintro la poeto estis malsana kaj kuwis en la lito. Kiam lia sano pliboniqis, li prenis ree la plumon. Sed en la xambro estis tiom malvarme, ke liaj manoj rigidiqis, kaj la piedoj ekdoloris. Li haltis por rigardi la neqfaladon malantay la fenestro kaj rimarkis sur la korto la malgrandan Eva kun la hundo. Pitsu surhavis varman pelton. La wultroj de la poeto ektremis, li ektusegis kaj rifuqis denove sub la litkovrilon.

Sed post la malvarma vintro venas ja ree printempo!

En iu bela majmateno la poeto elirinte renkontis Eva-n. La infano estis sola kaj malgaja, kaj la poeto demandis, kie estas wia hundo.

— Pitsu malsaniqis, — respondis la knabino kaj forkuris.

Xiuj malqojis pro la malsano de Pitsu kaj penis konsoli la malgrandan Eva. la viandvendisto, xe kiu oni axetis por Pitsu kolbason kaj hepaton, diris xiufoje:

— Dio donu al qi sanon!

Kuracisto zorge kuracis Pitsu-n kaj skribis aron da bonaj receptoj, infanoj venis por rigardi kaj mankaresi la malsanulon. la hundo kuwis peze spiregante en sia

liteto kaj svingis nur tute malmulte la voston. Sed qia bona apetito dayris qis la morto, qi rifuzis nek marmeladon, nek koka[on kaj volonte lekis kafon kun kremo.

Lay la diro de la kuracisto, la hundo mortis pro grasiqo.

La infanoj enterigis qin en la qardeno sub siringoj en granda bela skatolo, ili metis krucon sur qian tombon kaj multe da floroj.

Kiam falis nova neqo, mortis la poeto. lia kadavro longe kuwis supre en la mansardo, antay ol oni hazarde qin trovis. oni parolis, ke la poeto mortis pro malsato, kaj oni longe diskutis pri tio, kiu pagu la elspezojn de lia enterigo. Fine la kortisto levis la xerkon sur la xaron kaj veturigis qin malsupren lay la dekliva strato.

Xe la pordego staris la malgranda Eva kaj pensis: "tio estas verwajne la sama viro, kiu foje demandis pri mia malfelixa Pitsu".

Kaj pro tiu malqoja rememoro larmoj aperis en wiaj okuloj.

(Esperantigis: E. Linnuse)

Solvo pri "La ovo-vendistino"

Por la solvo ni trovu la malpligrandan komunan multoblon de la nombroj 2, 3, 4, 5, 6; qi estas 60, tial la serxata nombro eble estas 60 plus unu.

Tamen 61 ne dividiqas per sep. Tial ni serxu qin en la formulo $60n + 1$

La plej malgranda valoro de n, kontentiganta niajn kondixojn, estas 5.

Tio signifas, ke en la korbo estis 301 ovo.